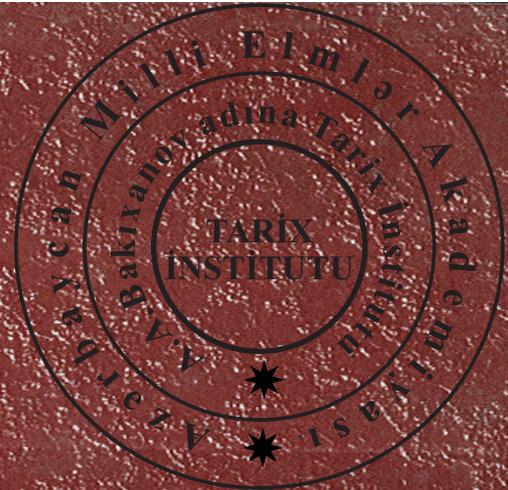
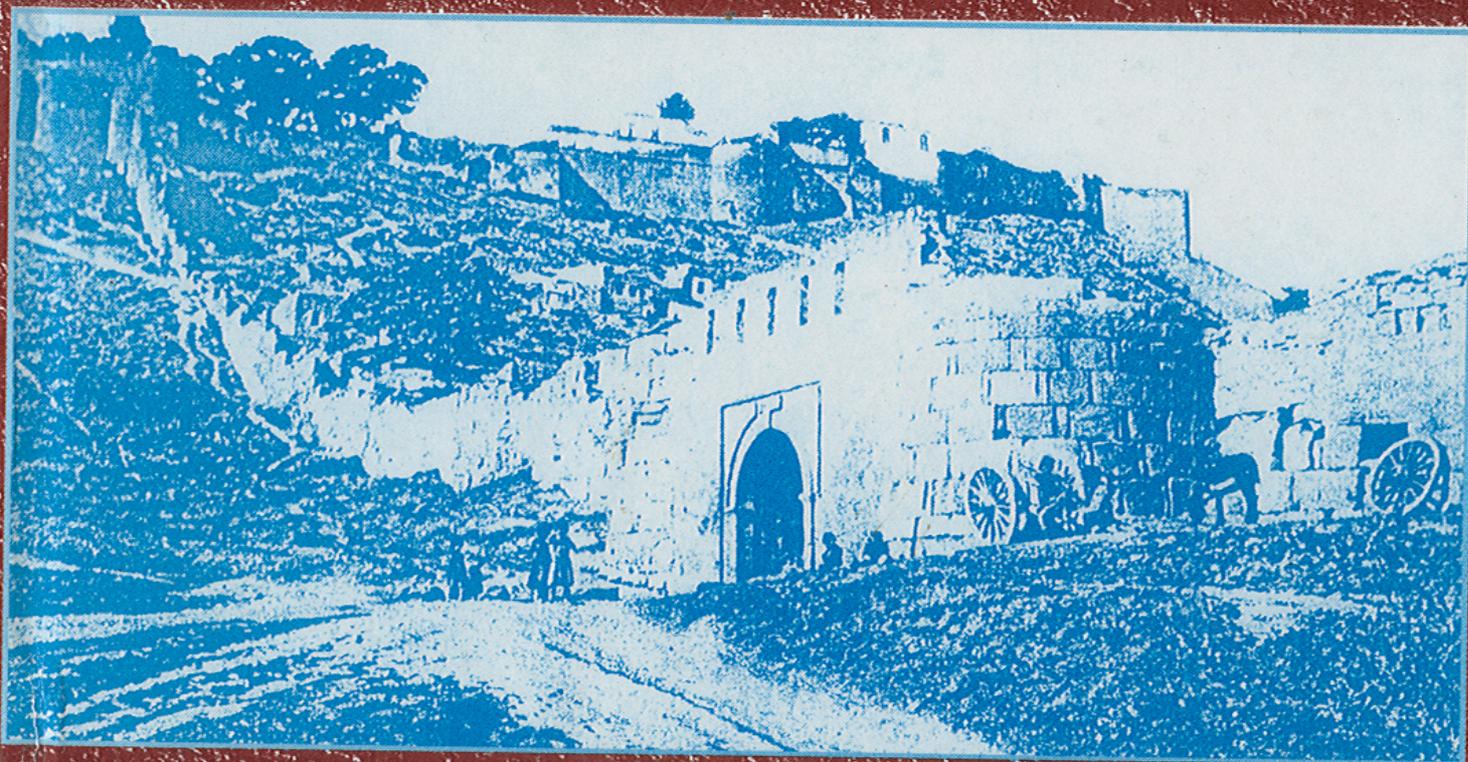

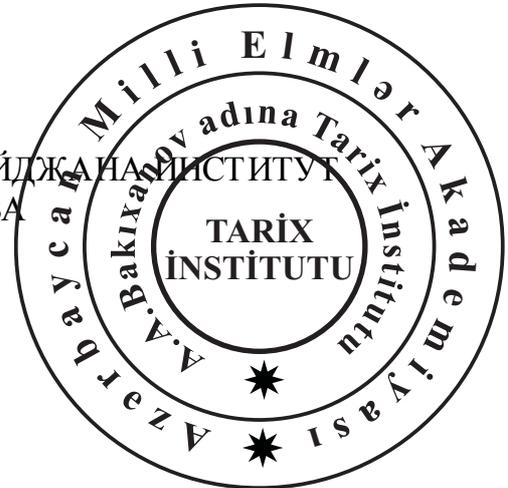
Г.МАМЕДОВА

**О ПОХОДЕ В.ЗУБОВА
В АЗЕРБАЙДЖАН 1796 г.**

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА И ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ ИМ. А.БАКИХАНОВА

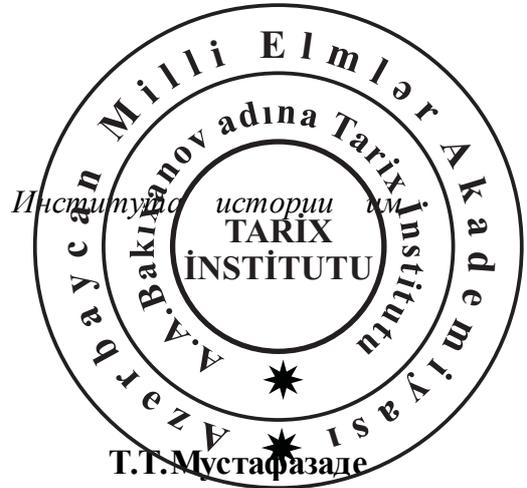

Гехар Мамедова

**О ПОХОДЕ В.ЗУБОВА
В АЗЕРБАЙДЖАН
(1796 г.)**

Баку – Elm -2003

*Печатается по постановлению Ученого Совета
А.Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана.*

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:
доктор исторических наук
кандидат исторических наук

Ш.Ф. Фарзалнев
М.С. Искен дерава

Мамедова Г.Л. О походе В.Зубова в Азербайджан в 1796 г.
Баку, Elm, 2003, 94 с.

Məmmədova G.N. V.Zubovun 1796-ci ildə Azərbaycana yürüşünə dair
Bakıç Elm, 2003, 94 s.

В монографии на основе большого количества мало привлекаемых до сих пор архивных материалов и исторической литературы анализируется второй этап восточной политики русского царизма, направленной на завоевание Южного Кавказа, для осуществления которой был подготовлен поход русских войск во главе с В.Зубовым в Азербайджан. Данная военная кампания, нанесящая большой материальный ущерб Азербайджану, и в частности Губинской области, окончилась бесславно для русских войск, которым в регионе было оказано упорное сопротивление со стороны местного населения.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей Азербайджана на исходе XVIII столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Поход В.Зубова в Азербайджан	5
Глава II. О последствиях похода В.Зубова в Азербайджан	35

ПРЕДИСЛОВИЕ

О походе В.Зубова в Азербайджан написано немало строк, как в русской, так и в азербайджанской историографии,¹ однако сегодня в связи с концептуальными изменениями в исторической науке эти взгляды требуют нового подхода и более объективной оценки.

В этой связи в данной книге на основе мало использованных до сих пор архивных материалов, хранящихся в Архиве Внешней Политики Российской Империи, делается попытка раскрыть сущность колониальной политики русского царизма в регионе в исследуемый период и, вопреки существующему мнению о лояльном отношении России к местному населению и усилений русской ориентации среди азербайджанских владельцев, показать на достоверных фактах моральный и материальный урон, нанесенный Азербайджану, и в частности Губинской области.

Отметим, что трактовка данного вопроса в исторической литературе носила несколько разноречивый характер. В одном случае, этот поход расценивался как ответ кабинета Екатерины II на происки Ага Мухаммед хана в отношении Южного Кавказа, в особенности прикаспийских областей и Грузии, являвшихся сферой влияния России, которой в данном случае приписывалась роль спасительницы народов Кавказа от закабаления Ираном, а христиан от ига «варваров», т.е. мусульман. При этом очень умело маскировались далеко идущие планы России, использовавшей сложившуюся политическую обстановку как повод к осуществлению своей восточной политики, и осуждалась осторожная и гибкая политика азербайджанских правителей, которые во избежании быть истребленными, лавировали между Ираном, Турцией и Россией. Наряду с этим, придавая особое значение христианскому фактору, обходилась стороной тот факт, что несмотря на неоднократные обращения картли-кахетинского царя о помощи, российский двор, преследуя собственные интересы, оставался равнодушным наблюдателем и не реагировал на них, что в конечном счете привело к полному разорению Грузии иранскими войсками в 1795 г.

В другом случае, сильно преувеличивались полководческий дар главнокомандующего В.Зубова и роль архиепископа всех армян России Иосифа Аргутинского в успешном проведении в жизнь завоевательной политики кабинета Екатерины II, в то время как бездарность и недальновидность В.Зубова и слишком «большое усердие» архиепископа, которого использовали только «в склонении местного населения в пользу России», способствовали полному отчуждению и недоверию азербайджанских владетелей к русским войскам.

¹ - См. подробно: Историческое известие о походе Российских войск в 1796 году в Дагестан и Персию под командою Графа Валериана Александровича Зубова. (Отечественные -записки, ч. 30, 1821). В дальнейшем «Историческое известие...»; П.Г.Бутков. Материалы для повой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Санкт-Петербург, 1869, ч. II; Н.Дубровш. История войны и владычества русских на Кавказе. Санкт-Петербург, 1886, т. III; В.Н.Левиатов. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948; Дж.М.Мустафаев. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII-начало XIX в.). Баку, 1989; С.Б.Ашурбейли. История города Баку (период средневековья). Баку, 1992; S.Kərimova. Çarizmin Azərbaycanın işğalında və müstəmləkəçilik siyasətində erməni siyasətbazlarının rolu. Bakı, 1995.

ГЛАВА I.

ПОХОД В.ЗУБОВА В АЗЕРБАЙДЖАН

Как известно, образовавшиеся в середине XVIII века в результате народно-освободительного движения против тирании Надир шаха независимые азербайджанские ханства, раздробленные и раздираемые внутренними междоусобицами, в конце того же столетия вновь оказались перед угрозой со стороны Ирана, решающую роль в политической жизни которого стал играть глава гаджарских азербайджанских племен - Ага Мухаммед хан.

Усиление Ага Мухаммед хана, низложившего всех своих соперников и распространившего власть на весь Иран и Южный Азербайджан, обеспокоило Россию, которая вначале заняла очень осторожную и выжидательную позицию и где-то даже потворствовала Гаджару в добывании или ослаблении непокорных южноазербайджанских ханов. Это хорошо прослеживается на примере отношения к Гидаят хану Гилянскому, прибегнувшему к помощи находившегося в Энзели русского консула Тумановского, который в решающий момент не без злого умысла отказался помочь ему. Гидаят хан при взятии войсками Ага Мухаммед хана крепости Перибазар вынужден был проситься на русское судно, куда заранее было перенесено и хранилось все его богатство. Однако в момент, когда Гидаят хан с протянутыми руками умолял Тумановского о принятии его на судно, он был атакован и убит талышским Аллахверди бекем в сентябре 1786 г. Думается, что это убийство не обошлось без вмешательства русского кабинета, что подтверждается данными П.Буткова, сославшегося на одну официальную министерскую бумагу, где говорится, что «...сему злосчастию Гедаят хана поставлен орудием коварства Ага Магомед хана российский чиновник, способом интересных уловлений».¹ Этот вопрос подробно рассмотрен в статье видного исследователя периода Т.Мустафазаде, который также утверждает о причастности русских властей к убийству Гидаят хана.²

Таким же образом, правда, с некоторым неустраивавшим русские правительственные круги опозданием был изолирован родной брат Ага Мухаммед хана Муртуза Гулу хан, который при поддержке верного союзника Мустафа хана Талышского 8 лет боролся за обладание богатейшим Гиляном. Видя тщетность своих усилий, он решил прибегнуть к помощи русских властей, предлагавших свои услуги. С разрешения русского консула в Энзели Матвеева капитан-лейтенант флота Аклечеев, управлявший всей русской экспедицией в Энзели, вступил с войсками Гаджара в сражение и помог вывезти Муртуза Гулу хана в Баку, откуда 30 апреля 1793 г. он со всей семьей был доставлен в Астрахань. Чтобы не вызвать подозрений со стороны Ага Мухаммед хана, русский двор решил преподнести это как произвол со стороны консульской службы и наказать виновных. Аклечеев вынужден был вместе с консулом Матвеевым и всем военным снаряжением оставить Энзели и перебраться в сентябре 1793 г. на остров Жилой, а в 1794 г. пустой остров Свиной, или Сары в Кызылагачском заливе, более приемлемый по удобству.

Наряду с этим отметим, что русский кабинет, зорко следивший за развитием событий в Иране и заинтересованный в благоприятном развитии торговли российских купцов в Энзели, где происходили частые военные столкновения, вступил в негласный стговор с Ага Мухаммед ханом, подтверждением чему был

указ Екатерины II генералу Гудовичу от 7 ноября 1791 г., в котором говорилось, что «... брату его (Ага Мухаммед хана - Г.М.) Муртаз Кули хану помощи не давать, а когда которой отзовется, то бы ответственвал отхода от дел с учтивостью...».³ В этой связи Муртуз Гулу хан, требования которого о помощи все время возрастали, на данном этапе уже не устраивал Россию.

Поэтому не случайно, что Аклечеев, вступивший в «явную драку», и «равно и Матвеев, по его ненадежности» были сменены за поспешность. В то же время, думается, что этот шаг русского кабинета устраивал иранского правителя, который не только не мешал, но и способствовал спокойному течению русской торговли в Энзели. Как писал П.Бутков, «купечество российское вновь начало торговлю в Энзели, а Ага Магомет хан не только не делал им никакого притеснения, но еще ласковее стал с Россиянами обращаться».⁴

Подобная тактика по наблюдению за действиями иранского правителя Ага Мухаммед хана, который пока был занят покорением Ирана и Южного Азербайджана, не вызывала особой реакции в политических кругах России, которые, однако, в начале 1795 г. были явно недовольны его подготовкой к выступлению в Северный Азербайджан и сбором войск под начальством Ардебильского Нурали хана. Наряду с этим, в Иране усиленно готовилась артиллерия под начальством французов,⁵ и в Тебризе запасались провиантом.

Пока шла подготовка к походу в Северный Азербайджан, Ага Мухаммед хан решил прозондировать почву и выяснить отношение России к предстоящему военному выступлению и к его персоне как правителю Ирана. С этой целью в начале июня 1795 г. он отправил из Тегерана к русскому двору двух посланников Аджи-Митраги [скорее всего - Аджи Миртаги — Г.М.] и Ага Мирза Мехтия якобы взамен отправленному в 1787 г. с дипломатической миссией Мирза Мамедали, который был выслан обратно в Иран в 1792 г. за его недостойное поведение. Для нас не представляет особого значения миссия данных посланников, которая носила разведывательный характер, о чём говорит отсутствие у них аккредитации от шаха и писем к императрице. В то же время, они «имели письмо от правителя гилянскаго Мирза-Бабы и от Аджи Ибраима, называвшегося шахским визиром...».⁶

Кстати, в резко обострившейся ситуации между Россией и Ираном за овладение Южным Кавказом, по словам П.Буткова, роль посланников заключалась якобы только в том, чтобы добиться освобождения Аббас хана Гаджара, «содержимаго Муртазою в залог безопасности жены его и детей, находящихся у Ага Магомет хана, обещая во взаимство того повелеть обращаться с российскими купцами в Персии приятельски».⁷

Думается, что последовавшие в регионе события подтвердили, что намерения Ага Мухаммед хана выходили далеко за рамки выяснения отношений с Россией относительно своих подданных, и потому в политическом плане носили более масштабный характер. В противовес П.Бутков, рассматривая данные отношения только под этим ракурсом, писал, что «сей Аббас хан толико дорог был ага Магомет хану, что сей озлоблен будучи и за него и за принятие Муртуза Кули хана и за высылку без ответа его посланца, дал было строга приказания гилянскому начальнику захватить в Энзели или российского чиновника, или судно, и потом пребывал бы размены на Аббас хана».⁸

Отплывшие в начале июня 1795 г. из Гиляна на судне и прибывшие через Астрахань в Кизляр в конце июля посланники, хотя и были приняты Гудовичем, однако из-за отсутствия у них аккредитации от шаха Персии, они не были

отправлены к русскому двору. В отношении же самого Ага Мухаммед хана Гудовичем было сказано, что он до сих пор не знает шаха Персии и тем более его визиря, в связи с чем не может признать и его посланцев. Что касается освобождения Аббас хана Гаджара, то Гудович отказался отпустить его без «высочайшего повеления».⁹

Любопытно отметить, что русский кабинет, отказав посланникам в приеме и не признав иранского правителя, в то же время решил через них оказать давление на Ага Мухаммед хана. В этой связи 4 сентября 1795 г. генералу Гудовичу было повелено «внушить с пристойною деликатностию посланцам Аги Мехмет хана, чтоб он для достижения им достоинства ханскаго согласия по примеру покойнаго Мурад хана оставить отчасти в непосредственном владении отчасти же под покровительством Российским области при Каспийском море лежащая и весь край Адрибежанской и обратил силы свои против турок со стороны Багдата, обнадеживая его помощию с здешней стороны».¹⁰

Как видно, Россия не скрывала свои захватнические планы в отношении прикаспийских областей и Северного Азербайджана, считая их сферой своего влияния, и стремилась вдобавок чужими руками ослабить Турцию. Однако посланники, миссия которых не состоялась, вынуждены были выехать сухопутно в Дербенд и Губу, при этом получив от Гудовича другой дополнительный наказ о том, чтобы Ага Мухаммед хан не покушался на владения находившегося под русским покровительством царя Ираклия II. Как известно, это внушение впоследствии плачевно отразилось на Грузии: в том же году, чтобы продемонстрировать мощь своего оружия перед Россией, Ага Мухаммед хан после не очень удачного похода в Азербайджан двинул свои войска в Грузию и полностью разорил Тифлис.

Иранский правитель, перейдя в наступление, решил сперва подчинить себе владетельных ханов Северного Азербайджана, одних силой, других лаской, а затем, по словам П.Буткова, скорее всего, в отместку за отказ России принять его посланников, направил свои силы против грузинского царя, чтобы тот признал его самодержавным правителем всего Ирана, а себя считал бы как и в прежние времена, в качестве одного из четырех наместников вассалом для того, чтобы «потом при собрании их в Ардебиле возложить на себя знаки шахскаго достоинства».¹¹

В начале 1795 г., а затем в мае и июне Ага Мухаммед хан посылал гонцов к азербайджанским правителям, в том числе к губинскому, бакинскому, шемахинскому и шекинскому ханам с требованиями о покорении и присылке аманатов, угрожая в случае отказа разорением и смертью.

Североазербайджанские владетели, несмотря на изнурявшие их силы междоусобицы, не хотели терять приобретенную кровью независимость и потому искали выхода из сложившегося положения. В этом отношении привлекает внимание архивный документ, показывающий консолидацию их сил перед надвигающейся опасностью. «Впротчем в рассуждении всех сих ханов, - говорится в этом документе, - ... как бы некоторый из них при спокойных обстоятельствах малосильными или маломогущими не виделись и между собою во взаимных враждах обращающимися, но общая опасность извне наносимая может их собрать и соединить воединодушие».¹²

Иреванский, ленкоранский и гарабахский владетели дали отрицательный ответ посланникам от Ага Мухаммед хана и стали готовиться к обороне, чтобы отразить

нападение. Гарабахский Ибрагим хан, находившийся в натянутых отношениях с Картли-Кахетинским царем Ираклием II, возобновил с ним союз. В обострившейся политической обстановке вызывает недоумение позиция России по отношению к Ираклию II, просившему еще в мае 1795 г. ген. Гудовича о присылке 3 тыс. человек российских войск для защиты от Ага Мухаммед хана. Генерал Гудович, несмотря на поступивший еще от 8 мая 1792 г. рескрипт Екатерины II об отказе Ираклию II в помощи, перед лицом реальной угрозы 7 мая и 2 августа 1795 года вновь обратился к русскому кабинету с просьбой о посылке войск в Грузию, который, однако, остался совершенно равнодушным к ним. Гудович, в свою очередь, увещевал Ираклия принять деятельные меры к обороне, однако последний, надеявшийся только на помощь российских войск, фактически не принимал никаких мер, «хотя и получил на наем и содержание войск.. от шушуйского хана 120 т., от эриванского 200 т. и от ганжийского 50 т. рублей».¹³ Как видно, азербайджанские ханы, хорошо понимая всю серьезность положения, оказали значительную денежную помощь Картли-Кахетинскому правителю, который, однако, никогда не скрывал своих притязаний на азербайджанские владения, в особенности на иреванское и гянджинское ханства.

Думается, что кабинет Екатерины II в сложившейся политической ситуации, жертвуя Грузией, фактически приступил к осуществлению своей восточной политики, направленной к выступлению на Южный Кавказ и занятию западного берега Каспийского моря.

Рассмотрим позиции других азербайджанских владетелей по отношению к Ага Мухаммед хану. Шекинский и шемахинский ханы вначале также не покорились ему, однако впоследствии шекинский правитель струсил и потом «подвергся его власти от страха».¹⁴

Шейх Али хан Губинский, которому был обещан Ага Мухаммед ханом титул наиба всего Ширвана, и Бакинский Гусейн Гулу хан приняли его посланцев с уважением и одарили их подарками. Гянджинский Джавад хан также выразил свою приверженность к Ага Мухаммед хану. Вопреки мнению некоторых авторов, которые считали такое поведение азербайджанских ханов, и в особенности Губинского Шейх Али хана, усилением в их среде проиранской ориентации,¹⁵ это объяснялось скорее всего страхом потерять свою независимость и подвергнуть свои владения полному разорению.

Параллельно с иранской угрозой вызывало опасение со стороны ханов и занятие Россией острова Сары в Ленкоранском ханстве, и постоянное пребывание здесь русской флотилии, зорко следившей за ходом событий как в Иране, так и в Азербайджане. Постепенно меняя тактику, Россия переходит к активным действиям по привлечению азербайджанских ханов, в особенности правителей прибрежных областей на свою сторону, не скрывая своих притязаний на весь западный берег Каспия, и считая этот регион сферой своего влияния еще со времени правления Петра Великого.

Придерживаясь тактики лавирования между сильными державами с целью сохранения своей самостоятельности, азербайджанские ханы стали склоняться то в одну, то в другую сторону, при этом высказывая «наружные знаки» своей преданности то России, то Ага Мухаммед хану, то пытаясь найти поддержку у Турции, которая, кстати, несмотря на неоднократные обращения осталась безучастной к просьбам ханов. Эта вынужденная противоречивость в поведении азербайджанских владетелей нашла свое отражение и в архивных документах

периода, где говорится, что ряд азербайджанских ханов, в том числе Бакинский, губинский и др. стали проявлять не отличавшееся устойчивостью тяготение к России, прося о подданстве.¹⁶ Так, отправив к ген. Гудовичу своих посланцев с просьбой о принятии российского протектората, азербайджанские ханы, и в частности Шейх Али хан, впоследствии от подписания присяги отказались.¹⁷

Следует отметить, что внутренние раздоры из-за посягательств на соседние территории способствовали обострению отношений между азербайджанскими ханами и мешали консолидации основных сил против внешней агрессии, что в особенности негативно отражалось на отношениях губинского и бакинского владетелей. Как явствует из архивных материалов, Шейх Али хан Губинский, воспользовавшись смертью бакинского Мухаммед Гулу хана, возвел на его место своего человека Мирзу Мухаммед хана, что вызвало недовольство бакинских жителей, которые, выгнав его, избрали своим правителем Гусейн Гулу хана.

Ход дальнейших событий показывает, что феодальные распри между этими правителями очень умело использовались русскими правительственными кругами в собственных интересах. Поэтому не случайно, что ещё в конце 1791 г. по этому поводу поступил указ Екатерины II к ген. Гудовичу, в котором требовалось выяснить от Губинского и Бакинского владетелей «доказательств на право владения Бакинскаго [ханства — Г.М.], я относиться к монаршему решению, дабы судить по справедливости, либо сделаться примирителем двух спорников...».¹⁹

В то же время, видя, что Бакинский Гусейн Гулу хан не прислал своего представителя о принятии русского подданства, Гудович отправил нарочного офицера к Шейх Али хану с уведомлением о том, чтобы он включил в текст своей присяги и «Баку ему принадлежащую».²⁰

В феврале 1795 г. Бакинский Гусейн Гулу хан, видимо, вынужден был по этой причине прислать посланца с просьбой принять отдельно присягу о подданстве, в связи с чем Гудович, изменив свое решение и придавая большое значение Баку как центру сосредоточения русско-восточной торговли, ходатайствовал уже о принятии Гусейн Гулу хана в подданство самостоятельно. При этом в письме губинскому правителю он просил не разорять Баку, который был включен им в число российских владений.²¹

Однако принятие русского покровительства со стороны азербайджанских ханов, как говорилось, было только на словах. Несмотря на то, что посланец Шейх Али хана и принял присягу на подданство России, однако уклонился от подписания договора, присланного Гудовичем через своего офицера.²² Таким же образом поступил Бакинский Гусейн Гулу хан, помирившийся в такой момент с Шейх Али ханом и впоследствии даже помогавший ему военным снаряжением для противостояния русским войскам. В исторической литературе такое поведение азербайджанских ханов трактуется двойственностью, неустойчивостью и непостоянством их характеров,²³ а следовательно и политики, в то время как это объяснялось лишь как самосохранением и стремлением оградить свои владения от иноземного завоевания. Аналогичная характеристика поведению Шейх Али хана дается в одном архивном документе, где говорится, что он «...по молодости лет и по ветрености своей, посланца [от Ага Мухаммед хана - Г.М.] принял с уважением, а к генералу Гудовичу прислал письмо не согласное с прежними его уверениями о преданности России».²⁴ При этом забывается, что это было ответом на посягательство самостоятельного существования ханства как со стороны иранского правителя, так и России.

То же самое можно сказать и о бакинском Гусейн Гулу хане, который, через своего уполномоченного, находившегося в Георгиевске с миссией о принятии условий подданства, просил ген. Гудовича о помощи против Ага Мухаммед хана, на что, естественно, не был дан прямой ответ. В связи с этим бакинский правитель вынужден был отойти от своих обязательств по выполнению договора с Россией.

Любопытно, что ещё в январе 1794 г. русский кабинет, уверенный в приверженности ханов России, готовил план к занятию прикаспийских областей и подчинению азербайджанских владетелей, о чем совершенно необоснованно говорилось в письме к графу Зубову: «генерал Гудович предполагает, что когда каспийская эскадра на будущее лето приумножится и покажется около персидских берегов, то все ханы, коих владения по берегу моря находятся, захотят быть подданными».²⁵

Как видно, азербайджанские владетельные ханы в конце XVIII века оказались в безысходном положении, и, говоря словами видного русского кавказоведа Н.Дубровина, они «...заботясь о своей независимости, не были искренно преданы ни России, ни Персии и всегда склонялись на сторону того, кто мог нанести им больше разорения».²⁶ Добавим, что азербайджанские правители, зная истинные намерения этих государств, не доверяли ни той, ни другой.

Стремление Ага Мухаммед хана угрозами подчинить своей власти североазербайджанских ханов, к тому же не признавших его шахом, не принесло ожидаемых результатов, в связи с чем он, переправившись с многотысячным войском на левый берег Аракса, вступил на территорию Северного Азербайджана.

Отправив своего брата Али Гулу хана с войсками под Иреван, он принудил иреванского хана сдаться. Армянский эчмиадзинский патриарх Лука, заранее переправив в Баязет церковное имущество, откупился 100.000 рублями.²⁷

Сам же Ага Мухаммед хан в конце июля 1795 г. вступил во владения гарабахского хана и осадил Шушу. Безуспешность атаки и стойкая защита гарабагцев вынудили его отступить и пойти по направлению к Грузии, что расценивалось некоторыми авторами как выпад против России и даже как оскорбление.²⁸ По пути он вступил в Гянджу и к его ополчению вместе со своими войсками присоединились окончательно покорившиеся Джавад хан и Шекинский Мухаммед Гасан хан. Любопытно отметить, что на сторону Ага Мухаммед хана перешли также и выдворенные из Шуши Ибрагим ханом за сепаратистские устремления гарабахские христианские мелики Меджлум и Абов, в данном случае руководствовавшиеся чувством мести и взявшие на себя роль проводников неприятельских войск в Тифлис.²⁹

12 сентября 1795 г. город Тифлис был занят и полностью разорен иранскими войсками. Такой быстрый исход згой военной операции, плачевно завершившейся для Грузии, казалось, был скорее неожиданностью, нежели ответом на проводимую русскими правительственными кругами политику, спровоцировавшую Ага Мухаммед хана на эти действия для того, чтобы дать повод России выступить на Южный Кавказ и продемонстрировать силу русского оружия.

В этой связи вызывает недоумение отношение к развернувшимся с молниеносной быстротой событиям в Грузии непосредственного участника всех перипетий в восточной политике Екатерины II П.Буткова, который писал, что «без сомнения российский двор не ожидал ни толикой слабости со стороны грузин, ни толикой быстроты и дерзости от Ага-Магомет хана».³⁰

Думается, что разорение Тифлиса оказало своё устрашающее действие на некоторых феодальных владетелей - губинского, бакинского и текинского ханов, которые вынуждены были торжественно отметить взятие Тифлиса, послав к Ага Мухаммед хану нарочных с поздравлениями.³¹

После разорения Грузии Ага Мухаммед хан, чтобы избежать столкновения с русскими и из-за недостаточного обеспечения войск провиантом, сразу же покинул Тифлис. На обратном пути он, по словам Н.Дубровина, «...не только освободил Ганжу и Эриван от всякой зависимости к Ираклию, но и отторгнул от него некоторые провинции... Памбаки, Казахи и Борчалы, отдав их во владение эриванского хана. Эриванский хан тотчас же послал объявление ко вновь пожалованным ему народам и требовал от них повиновения...».³²

В ноябре 1795 г. Ага Мухаммед хан, расположившись в Муганской степи, отправил 20000-ное войско под начальством Сулейман хана для покорения Шемахинского ханства, при этом Шекинский Мухаммед Гасан хан со своими войсками выступал в роли проводника. Мустафа хан, ожидавший нападение, «заранее с преданными ему подвластными, меньше алиевцами, а больше суннами...», оставил город Новую Шемаху и ушел на неприступную гору Фитдаг в местечко Баскал, недалеко от Старой Шемахи.³³ Иранские войска разорили и разграбили почти пустой город, а Сулейман хан остался здесь зимовать.

Очень ценные сведения по этому поводу имеются в одном источнике, опубликованном в «Отечественных записках» в 1821 г. и представляющем анонимный журнал одного из участников похода, в котором говорится, что Шемахинский Мустафа хан во время нашествия иранских войск вместе с жителями покинул город и скрывался в горах, «откуда препятствовал Персианам пройти к Дербенту... и истребил их до 3000, потеряв сам около 1000 человек; за что Ага Могамет хан на обратном пути своем из Тифлиса разорил город Шемаху до основания».³⁴

В этом источнике имеются небезыңтересные данные и о развернувшемся народно-освободительном движении против иранских войск в Шемахинском ханстве, где жители обратились к Ага Мухаммед хану с жалобой на Сулейман хана, в связи с чем иранский правитель «принужден был вскоре потребовать его к себе, услыша о том сии последние [жители - Г.М.] воспользовались немилостью Шаха и убили его».³⁵ Боясь всеобщего народного гнева, Ага Мухаммед хан вынужден был простить ширванцев.³⁶

Ага Мухаммед хан разослал свои фирманы губинскому, бакинскому ханам и дагестанским владельцам, требуя подчинения. Губинский Шейх Али хан отправил Ага Мухаммед хану подарки, которых, однако, оказалось недостаточно. Не довольствуясь этим, он потребовал от губинского правителя доставки фуража и 20.000 руб., а от бакинского хана - 10.000 руб., на что не последовало ответа, а дагестанские владетели отказались признать его.³⁷ В то же время П.Бутков отмечает, что Сулейман хан получил с Баку контрибуцию, правда, без указания суммы.³⁸

Шекинский Мухаммед Гасан хан, находившийся в это время в Новой Шемахе и старавшийся услужить Ага Мухаммед хану, был смещен своим родным братом Селим ханом, скрывавшимся по некоторым причинам у лезгин. Селим хан, пользуясь отсутствием брата, в декабре 1795 г. вошел в Нуху и был объявлен шекинским народом ханом.³⁹ Впоследствии он вошел в союз с Шемахинским Мустафа ханом. Видя такое положение, Мухаммед Гасан хан бросился в Нуху,

чтобы вытеснить брата, но безуспешно. Он вынужден был возвратиться обратно к войскам Ага Мухаммед хана, ожидая удобного случая.

Таким образом, Ага Мухаммед хану удалось заполучить Шемаху, взять с Баку контрибуцию, частично склонить на свою сторону Губинского Шейх Али хана. Вслед за этим могло последовать даже занятие Дербенда, что, естественно, противоречило планам российского кабинета, от которого ещё до всех этих событий поступило генералу Гудовичу повеление от 16 ноября 1795 г. о том, «что, если Ага-Магомет хан вступит в Ширван и займет Шамаху и Баку и тем приблизится к Каспийскому морю и пределам нашим, тогда должно будет занятием Дербента от войск наших, оградиться безопасностью и не оставить без покровительства шам-хала тарковского, усмия каракайтагского и самого хана дербендского [губинского - Г.М.]».⁴⁰

Все это намечалось осуществить весной будущего года, однако события, развернувшиеся в Азербайджане, поторопили генерала Гудовича опередить события и послать часть войск Кавказского фронта 6 декабря 1795 г. в Дагестан, чтобы оказать поддержку просившим помощи горским владельцам и занять Дербенд «как ключи к Персии».⁴¹

Как отмечалось, разорение Грузии, сопровождавшееся «... разграблением храмов божьих и по опустошении земель увлечением в неволю великого числа христиан...»,⁴² мало волновало российские правительственные круги и было использовано в дальнейшем как повод к выступлению в Азербайджан. С другой стороны, думается, что военная кампания Ага Мухаммед хана в Грузию, носившая скорее разведывательный характер с целью выяснения отношений с Россией, ее реакцией на разорение находившейся под её протекторатом области, ускорила готовившийся поход в Азербайджан. Любопытно, что Ага Мухаммед хан, придавая походу русских войск в 1796 г. в регион религиозный характер, в своих письмах, разосланных азербайджанским ханам, наивно предполагал, что «россияне ничто другое побудило вступить за грузин, как единоверие, ибо никакой прибыли нет Российскому государству от Грузии».⁴³

Завоевательный поход иранских войск на Южный Кавказ и, в частности в Азербайджан, способствовал тому, что азербайджанские ханы, столкнувшись с ужасами иранской агрессии, чтобы не быть полностью истребленными, стали искать наиболее приемлемый выход из положения. Как говорилось выше, их позиции в этой сложной ситуации вынужденно складывались в пользу России, однако с появлением в регионе русских войск, открыто демонстрировавших мощь и силу своего оружия, азербайджанские владетели, чтобы сохранить свою независимость, стали оказывать им стойкое сопротивление, что, в свою очередь, ставит под сомнение утвердившееся в русских источниках и опубликованной в советское время исторической литературе мнение о повсеместном усилении русской ориентации в Азербайджане, в особенности в Ширване.

Нашествие Ага Мухаммед хана и занятие иранскими войсками Ширвана и ряда других областей Азербайджана шли вразрез с восточной политикой России, которая, используя этот акт как угрозу своим границам, решила ускорить поход в Азербайджан якобы с целью организации обороны против иранских войск. Не безынтересен в этом отношении архивный документ, в котором по этому поводу говорится, что «... обратился он (Ага Мухаммед хан - Г.М.) через Ганжу к берегам моря Каспийского на гонение ханов, приверженных к нам, миролюбивых и благоприятствовавших торговле подданным нашим.. и поход его к Ширванской и

Дагестанской областям, лежащим при берегах Каспийского моря и к нам сопредельным в явном намерении приближаясь к границам нашим и в тех землях испровергая все то, что пользе о выгоде наших касаться может...».⁴⁴

Подготовив план завоевания Азербайджана, российские власти проводили перекройку его границ по своему усмотрению, т.е. по выгодной им схеме, где Ширван рассматривался отдельно от Азербайджана. При этом не скрывался колониальный характер политики царизма. Так, после овладения регионом открытым текстом предполагалось, чтобы «... все владельцы дагестанские, ширванские и азербайджанские, до берегов реки Аракса, равно как и поморские подверглись в повиновение державе российской; отчасти под покровительством и верховной властью российского, отчасти в непосредственном владении нашем».⁴⁵

Претворяя в жизнь свою восточную политику, т.е. готовясь к предстоящему походу в Азербайджан, кабинет Екатерины II соблюдал крайнюю осторожность, чтобы не вызвать подозрений у расположившегося в Ширване Ага Мухаммед хана, к тому же располагавшего еще значительным военным потенциалом, по причине чего столкновение с ним было бы нежелательно.

Видимо, по вышеуказанной причине и чтобы не отпугнуть местных владельцев, Россия стала перекидывать свои войска по назначению в незначительном количестве. Можно предположить, что Россия, занятая урегулированием польского вопроса, развернула свои силы только после успешного завершения раздела Польши, позволившего выделить для похода значительные силы и средства.⁴⁶ Поэтому по предписанию Екатерины II в конце ноября 1795 г. ген. Гудович отправил в Грузию для защиты от повторного нашествия иранских войск полковника Сырохнева с двумя батальонами пехоты и с шестью полевыми орудиями, прибывшими туда в начале декабря.⁴⁷

Затем 19 декабря 1795 г. 3 полных батальона пехоты, один эскадрон легионной казачьей команды, 250 казаков, 500 калмыков, 6 орудий полевой артиллерии выступили из Кизляра в направлении Дербенда под начальством генерала Савельева.⁴⁸ И только после этого генералу И.Гудовичу поступило предписание Екатерины II о подготовке к походу, который должен был начаться весной 1796 г.

Командование армией сперва было поручено А.В.Суворову, который в самый последний момент почему-то отказался, в связи с чем главнокомандующим войсками был назначен генерал-поручик В.А.Зубов.⁴⁹ Двадцатичетырехлетний В.Зубов этим назначением был обязан своему брату — фавориту Платону Зубову, оказавшему сильное давление на Суворова и настоявшему перед императрицей на кандидатуре брата. В недавно опубликованной книге военного историка и писателя А.Шишова, которая далека от научности и написана тенденциозно, о причине отказа Суворова возглавить эту военную кампанию в Азербайджан говорится: «Думается, что граф Валериан Зубов испытывал некоторую неловкость, когда узнал о том, что его ... недавний по Измаилу и Польше начальник отказался вести русские войска в поход на Персию. Генерал-поручик не мог не знать и о тоне писем, которые его всеильный теперь брат-фаворит отправлял прославленному полководцу Суворову-Рымникскому ...».⁵⁰ Хотя автор в своей книге без всякого на то основания и воспекает якобы незаурядный полководческий талант В.Зубова, однако, заняв пост главнокомандующего в результате дворцовых интриг, он фактически не смог оправдать возложенную на него миссию и полностью провалил выступление русских войск в Азербайджан. Генерал И.В.Гудович, надеявшийся лично возглавить армию, был оставлен на линии для обеспечения войска

продовольствием и военными припасами. Впоследствии держа в себе эту обиду после неудачно завершившегося для России похода, на который были затрачены большие средства, он все допущенные ошибки припишет бездарности В.А.Зубова как полководца.

Следует отметить, что поэтапная отправка войск была ничем иным, как тактическим маневром со стороны России, преследовавшей цель создать видимость оказания помощи дагестанским и азербайджанским владетелям якобы для избавления от происков Ага Мухаммед хана. Поэтому не случайно, что генерал Гудович поручил генерал-майору Савельеву собрать всех дагестанских владельцев вместе с войсками для организации обороны с дальнейшим следованием и поспешным занятием Дербенда.⁵¹

В этой связи ещё в октябре 1795 г. от ген. Гудовича поступило письмо Губинскому Шейх Али хану, где ему поручалось войти в общую связь с просившими у России защиты дагестанскими владельцами, которые должны были в скором времени выступить. Любопытно, что Шейх Али хан от помощи русских войск отказался, однако просил много денег на найм войска для отпора Ага Мухаммед хану. Стараясь сохранить независимость, Шейх Али хан всячески избегал сближения с русскими, и даже, когда в феврале 1796 г. ген. Савельев со своими войсками вступил на землю усмия, он поспешно ушёл из Губы в Дербенд, где заперся и не хотел принимать майора Ахвердова, прибывшего от русского командования обговорить условия общей обороны с дагестанскими владельцами. В этой ситуации Бакинский Гусейн Гулу хан перешел на сторону Шейх Али хана и прислал в Дербенд для обороны 2 пушки с пушкарями.⁵²

Естественно, что дерзкое поведение и непокорность Шейх Али хана не могли не вызвать недовольства русского командования, в связи с чем генерал-майор Савельев в своем рапорте от 26 марта 1796 г. писал, что «...по изготовлении всего нужного к походу, пойду с войсками на Дербент для наказания владельца онаго за вероломство».⁵³

Видимо, позже, когда Савельев решил осуществить этот план и наказать Шейх Али хана, он встретил стойкое и упорное сопротивление. Так, в своем рапорте от 18 апреля 1796 г. он об этом подробно писал, что с находившимся у Дербенда отрядом в 4180 человек подошел под самые стены крепости и «обрел тамо упорное сопротивление», и будто Шейх Али хан замышляет соединиться с «неблагоданеренным ханом Казикумыцким Хамбутаем учинить на сей отряд нападение в превосходных весьма пред оным силах...».⁵⁴

Как известно, поход Зубова в Азербайджан преследовал далеко идущие планы русского царизма по претворению в жизнь не только политических, но и торгово-экономических задач. Это хорошо прослеживается из архивного документа, где открытым текстом говорится, что с занятием западного берега Каспийского моря и подчинением всех дагестанских и азербайджанских владетелей «до берегов реки Аракса, равно как и поморских ... восстановленное спокойствие и порядок в Персии откроет нам богатый торг не токмо при берегах каспийских, но внутри пределов персидских областей; посредством сих последних удобовозможно будет открыть путь в Индию и привлекая к нам богатейший торг сей кратчайшими путями...».⁵⁵

Любопытно отметить, что в другом архивном документе, в инструкции В.Зубову, наше внимание привлек еще один немаловажный факт, раскрывающий завоевательный характер политики России, прибегнувшей к испытанному методу -

религиозному фактору, то есть использованию в собственных интересах христианского населения региона, и в особенности Гарабаха. Этот вопрос, занимавший в политике кабинета Екатерины II особое место, был одной из причин недоверия России со стороны азербайджанских правителей, в особенности Ибрагим Халил хана Гарабагского, что способствовало впоследствии созданию ими коалиции и оказанию упорного сопротивления русским войскам в период похода.

Добавим, что российское правительство, заинтересованное в христианском населении региона с целью использования его как пятой колонны, напечатал манифест Екатерины II и на армянском языке, о чем свидетельствует архивный документ под названием «Манифест Ея императорскаго Величества Великия Государыни Екатерины Вторыя наслучай войны с Персиею печатан на разных языках и ныне Повысочайшему Повелению на Армянском Диалекте».⁵⁶ Данный документ был издан по инициативе Архиепископа Аргутинского, так как в конце армянского текста было приписано: «Печатано в Типографии, Преосвященного Иосифа Архиепископа, всего народа Армении обитающего в России мая 23 дня 1796 г. в Астрахани».⁵⁷

Сделаем некоторое отступление и для ясности отметим, что армяне в регионе Турции, Ирана и Южного Кавказа являются элементом не автохтонным, а пришлым, а что касается армян на территории Северного Азербайджана, то эта часть христианского населения древней Албании под давлением проводимой Арабским Халифатом и армянским католикосатом политики с начала VIII в. подверглась арменизации.⁵⁸ Другая часть населения Албании в период господства Халифата была обращена в мусульманство. Со временем этот фактор умело использовался армянскими деловыми людьми и католикосатом при непосредственной поддержке России для создания армянского государства на территории Азербайджана. Россия же, в свою очередь, получавшая финансовую поддержку от армянских деловых людей и церкви, потакала им, чтобы после завоевания региона иметь на местах противостояние в лице христиан против мусульман. Именно с появлением в регионе русских войск, начиная со времен Петра I, стал муссироваться «армянский вопрос», который на сегодняшний день кроме невинных жертв, противоборства, военных столкновений ни к чему хорошему не привел, а ведь, имея общие корни, быт, культуру албанское население несмотря на различие веры и языка компактно проживало на одной территории и совместно отражало натиск иноземных завоевателей.

Возвращаясь к вышепрерванному, отметим, что содержание инструкций графу В.Зубову носят несколько противоречивый характер. Так, говоря о личности Гарабахского Ибрагим хана, оказавшего упорное сопротивление войскам Ага Мухаммед хана, сперва отдается предпочтение стойкости и мужеству его характера, которым он отличался от многих местных правителей. В этом случае отмечается, что «Ибрагим хан Шушинский (Гарабахский — Г.М.) есть один из всех ханов не подвергшийся игу мучителей; ибо приняв намерение защищаться в городе своем неприступном для войск азиатских, преуспевает он и донныне держаться в оном...».⁵⁹ Удивительно, что здесь совершенно не упоминается о его конфликтах с гарабахскими христианскими меликами, о которых, кстати, особняком стоял вопрос уже в других пунктах инструкции. При этом, в интересах России в эту политическую игру были вовлечены и азербайджанские ханы, которые, чтобы не вызвать подозрений, вкупе с русскими войсками должны были выступить против Ага

Мухаммед хана, в связи с чем в этом документе было написано, что «действия же Кавказского корпуса должны быть простираемы вниз по реке Куру на Ганжу и чрез город - сей для восстановления ме-ликов армянских в Карабаге и по освобождении осажденного в Шушинской крепости Ибрагим хана должны стремиться открытию связи с каспийским корпусом предводительствуемым лично им Графом Зубовым, призывая к соединению и Азербайджанских ханов с действующим под покровительством российским против общего врага Аги Магамет хана».⁶⁰

И, наконец, особый интерес вызывает последний пункт инструкции, где полностью раскрывается сущность колониальной политики, направленной не только на игнорирование и ущемление прав мусульманского населения Гарабаха и его правителя Ибрагим хана, но и на расширение за счет земель Азербайджана территории Грузии, по отношению к которой Россия не выполнила своих обязательств в период нашествия иранских войск. Чтобы компенсировать каким-то образом этот ущерб, она решила Гянджу и Иреванское ханство как давних ее данников присоединить к Грузии. «В случае успеха российского оружия, - говорится в этом пункте, - имеется в виду распространения царства Грузинскаго чрез присоединение к нему города Ганжи и области Эриванской (Иреванского ханства - Г.М.), и восстановления в Российской зависимости меликов армянских и подвластных их карабахских жителей и привлечение к пользам нашим Патриарха Араратскаго».⁶¹ Кстати, именно участие в этом походе епархиального епископа всех обитающих в России армян Архиепископа Иосифа Аргутинского-Долгорукова, вращавшегося в высших российских правительственных кругах и в этой связи преследовавшего цель создания за счет азербайджанских земель армянского государства, также способствовало отчуждению от главнокомандующего В.Зубова азербайджанских ханов и населения.

Поход русских войск под начальством графа В.Зубова в Азербайджан в 1796 г., как отмечалось, получил свое должное отражение в исторической литературе, поэтому мы, в основном, коснемся ряда вопросов в контексте политической истории Ширвана с привлечением архивных документов под названием «Журнал реляций и рапортов императору Павлу I о военных действиях в Персии» и «Выписки Персидских дел из донесений генерал Графа Зубова 1796 г. от 25 марта по 25 число сентября», хранящихся в Архиве Внешней Политики Российской Империи, к представляющих повседневную запись главнокомандующего о военных действиях русских войск в Азербайджане, о несложившихся отношениях между В.Зубовым и азербайджанскими правителями.

Как уже было сказано, генерал-майор Савельев в своем рапорте от 18 апреля 1796 г. сообщал, что он вместе со своим отрядом в 4180 человек «заведен под самые стены сей крепости (Дербендской — Г.М.)» и встретил здесь упорное сопротивление, и якобы Шейх Али хан намерен был с Казыкумыцким Хамбутаем напасть на его отряд.⁶²

В этой ситуации Савельев решил привлечь на свою сторону противников Шейх Али хана и воспрепятствовать ему в получении помощи от азербайджанских правителей. Как явствует из его рапорта, он обратился с письмом к враждовавшему с Шейх Али ханом и усилившемуся к этому времени Шемахинскому Мустафе хану, чтобы тот со своим довольно большим войском -как возможно поспешнее закрыл Дербент от Бакинскаго хана, сказывающегося в согласии с дербенцами...».⁶³

Выступивший из Кизляра 18 апреля 1796 г. граф В.Зубов вместе с войсками прибыл к Дербенду на помощь генерал-майору Савельеву, и со 2 мая начался штурм крепости. Как видно из сообщений генерала В.Зубова, несмотря на его

требование о сдаче города без кровопролития, Шейх Али хан ответил отказом, и жители Дербенда оказали русским войскам «крайнее упорство в задаче башни в 60-ти сажнях от стен города стоящей».⁶⁴

В этом отношении представляет интерес вышеупомянутый анонимный журнал, где очень подробно говорится о сопротивлении дербендцев русским войскам. Как явствует из журнала, В.Зубов, чтобы занять одну из трех башен, отрядил полковника Кривцова с Воронежским батальоном. Солдаты, подкравшись в ночь на 3 мая к башне, приставили лестницы, чтобы взобраться наверх. В это время «караульные в башне проснулись и Персияне стали защищаться отчаянно. Град пуль и камней посыпался с верха башни», и русские войска, получив ощутимые потери, вынуждены были отступить.⁶⁵ При этом полковник Кривцов получил три раны в голову, майору Веревкину прострелили обе ноги, было ранено еще 3 офицера, 15 рядовых и убито 6 человек.⁶⁶ Видя отчаянное сопротивление дербендцев, был применен тактический маневр. По прибытию отряда генерал-майора Булгакова с 6000-ным регулярным войском при шести орудиях полевой артиллерии в приморскую, слабо укрепленную часть города Дубари, связь дербендцев с окружающими со стороны суши и моря была прервана.⁶⁷ Поэтому, чтобы получить помощь от прибрежных соседей, из Дербенда была отправлена лодка с несколькими вооруженными людьми, которые, однако, были задержаны русскими войсками, как только пристали к берегу. Найденные при них письма представляют большой интерес и проливают свет на сложившуюся обстановку внутри дербендской крепости.

Кстати, как явствует из указанного анонимного журнала, в поимке указанных дербендцев участвовали армяне с берегов реки Самура, явившиеся до этого к Зубову с предложением о принятии подданства. «В знак своего усердия, — говорится в источнике, — они поймали ночью выехавшую из города в море лодку с посланным от Дербентскаго Правителя Ших Али хана с письмами к Хамутаю, Хану Казыкумыцкому и к Лезгинам, коих приглашал он подать городу помощь, обещая за то невольников и похвальные грамоты».⁶⁸

Любопытно заметить, что А.Шишов в своей книге на основе этих же данных из анонимного источника, фальсифицируя факты, преподносит их читателю в искаженном виде. «В письмах Ших-Али-хан, — пишет он, — призывал их [дагестанских владельцев - Г.М.] как правоверных, прийти к нему на помощь. Он обещал взамен ни много, ни мало, а русских невольников из числа взятых в плен и «похвальные грамоты» от персидского Шаха»⁶⁹

Нет смысла останавливаться на этой, далекой от научности интерпретации военного историка, который в силу своей субъективности и одностороннего подхода к ходу событий не хочет понять простую истину, что Губинский Шейх Али хан, защищая независимость своего ханства от посягательства со стороны русских войск, прилагал все усилия к сохранению своей самостоятельности. Как правитель независимого Губинского ханства, он был правомочен сам давать «похвальные грамоты», и персидский шах к этому не имел никакого отношения.

Штурм крепости со стороны русских войск не прекращался, и 10 мая 1796 г. после осады и непрерывной стрельбы из пушек, которая была рассчитана на оказание давления на осажденных, башня была взята. Весьма важные сведения по устрашению дербендских жителей тяжелой артиллерией имеются в вышеупомянутом журнале, где сказано, что «с наступлением дня со всех батарей открылась по городу канонада ...», что заставило дербендцев сдаться.⁷⁰

Вопреки сказанному вызывает недоумение сообщение о покорении Дербендской крепости в подготовленной преподавательским коллективом БДУ «Истории Азербайджана» со ссылкой на данные участника похода Артемия Араратского, где говорится, что дербендские армяне, чтобы помочь В.Зубову занять крепость без кровопролития, решили через своего человека показать уязвимые места башни и посоветовали перекрыть поступающий в крепость источник воды. Крепость подверглась точечному обстрелу, а жители, оставшись без воды, вынуждены были открыть ворота и сдаться.⁷¹ Думается, что эти вымыслы А.Араратского нельзя воспринимать серьезно, тем более, что в источниках и исторической литературе достаточно подробных фактов о стойком сопротивлении дербендцев русским войскам, о чем свидетельствуют и значительные потери с обеих сторон.

Так, по словам самого В.А.Зубова, число убитых во время блокады города и штурма башни исчислялось в следующих цифрах: «офицеров - 3, унтер офицеров - 3, рядовых - 42, козаков - 2, раненых штаб офицеров - 2, офицеров - 6, унтер офицеров - 4, рядовых — 147, козаков — 6».⁷²

А что касается потерь со стороны оборон яввшихся, то они были незначительны. По данным непосредственного участника похода русских войск в Азербайджан П.Буткова, при взятии башни было убито более 30 дербендцев.⁷³

После взятия Дербенда граф В.Зубов приступил к выяснению причин столь упорного сопротивления дербендцев русским войскам, в связи с чем первыми были допрошены чиновники Шейх Али хана. Вопреки сложившемуся в исторической литературе мнению о том, что молодой Шейх Али хан, окруженный сторонниками проиранской ориентации и под их влиянием, а также, чтобы оградить свои владения от нашествия Ага Мухаммед хана, оказал сопротивление русским войскам,⁷⁴ следует отметить, что данная версия не очень убедительна. Ещё до вступления русских войск под командованием В.Зубова ген. Гудович обратился к Шейх Али хану с письмом об отдаче Дербенда без сопротивления, а генералу Савельеву «предписал требовать решительного на то ответа».⁷⁵ Как явствует из архивного документа, генерал Гудович, оберегая силы и ожидая ответа на свое письмо, не давал приказа о взятии города приступом. Губинский Шейх Али хан, в свою очередь, не торопился с ответом, и даже его конница стала стрелять «по приближению к Дербенту отряда посланного с генерал-майором Савельевым», и была отогнана с уроном. На следующий день русским отрядом были заняты две высоты, и после нескольких выстрелов Шейх Али хан выслал на переговоры своих чиновников, «желая будто пустить Российския войска в город, но между тем ожидал помощи от Аги Махмет хана».⁷⁶ Главнокомандующий в своей реляции также писал, что Шейх Али хан неоднократно обращался за помощью к иранскому правителю, который остановился на Мугани и «... якобы имел более 30 тыс. конных и более того пеших».⁷⁷ Аналогичные сведения по этому поводу дал перехваченный русскими есаул Шейх Али хана, который сообщил, что в Дербенде очень надеялись на поддержку Ага Мухаммед хана, в связи с чем к нему был отправлен первый чиновник Имам Гулу. По возвращении он докладывал, что иранский правитель, имевший при себе 100.000-ное войско, обещал Шейх Али хану «коль скоро приблизятся к Дербенту Российския войска преподать скорейшую помощь, коею город был обнадежен, решился держаться всемерно...».⁷⁸

Видимо, такая вынужденная политика Шейх Али хана, направленная на сохранение своего владения от разорения, наталкивала на мысль о проирански

настроенном его окружении. Для нас большую ценность представляют показания секретаря Шейх Али хана Мирзы Аскера, в какой-то мере оправдывавшие поведение гу-бинского владетеля. Как явствует из его слов, при подступе Ага Мухаммед хана к Сальянам, «тогда страшась, чтоб не раззорил он земель их нашлись принужденными отложиться от присяги, какую учинили пред тем на верность подданства Ея императорскаго величества».⁷⁹ Тем более, что Ага Мухаммед хан вторично присылал к Шейх Али хану своего посланца с повелением подчиниться, угрожая разорением земель, «коль скоро заметит в них связь с Россиею, и потому сколько для сей причины противились они генерал-майору Савельеву...».⁸⁰ Интересно, что Ага Мухаммед хан, надеясь, что он повторно сможет взять Гарабах, угрожал также губинскому хану, чтобы тот не допустил в свои владения Гарабахского Ибрагим хана, если он попросит об укрывательстве. В этой связи Шейх Али хан, чтобы не вызвать гнев Ага Мухаммед хана вынужден был отправить ему в подарок из Губы «20 верблюдов, 15 лошадей, 500 бурок и много из провизии».⁸¹ В бытность генерал-майора Савельева под стенами Дербенда Ага Мухаммед хан присылал в Губу Шейх Али хану в подарок лошадь и халат, что «им принято с уважением».⁸²

Наряду с этим в сообщениях Мирзы Аскера имеются любопытные данные об отношениях Шейх Али хана с дагестанцами и с бакинским правителем, с которым он был в ссоре по причине того, что хотел поставить в Баку правителем своего человека Мирзу Мухаммеда, а после неудачной с ним войны помирился и выдал за него замуж свою тетку.⁸³ После этого отношения между ними стабилизировались, и бакинский хан, как отмечалось, прислал в Дербенд «несколько пороху и артиллеристов своих». А что касается дагестанских владельцев, то Шейх Али хан находился с ними во враждебных отношениях, потому что отказался взять себе в жены дочь Шамхала Тарковского.⁸⁴

Естественно, сосредоточение огромного количества иранских войск в Мугани представлял большую угрозу для азербайджанских владетелей, и в особенности для Шейх Али хана, который вынужден был во избежание быть уничтоженным, лавировать между Ираном, Россией и даже Турцией, которая, как было отмечено, оставалась безучастной к развернувшимся событиям в регионе. Однако азербайджанские владетельные ханы в поисках выхода из создавшегося положения решили обратиться за помощью и к последней. Как явствует из реляции графа В.Зубова, Шейх Али хан в начале апреля через своего чиновника по имени Гаджи посылал письмо в Константинополь, в котором выражал свою преданность «... к Порте и с прошением помощи, что будет до последней капли крови противиться и дал сему чиновнику вещей драгоценных по примеру на 30 тыс. рублей и на наш счет до 10 тыс. руб. золотом для подарков, кроме путевых издержек...».⁸⁵

Примечательно, что в этой реляции В.Зубова можно проследить и за обороноспособностью города Дербенда, хорошо укрепленного Шейх Али ханом, который, видимо, исходя из этого, уверял бакинского владетеля, что «Россияне не могут покорить Дербента».⁸⁶ Эта уверенность Шейх Али хана не была беспочвенной, так как перед лицом опасности сначала со стороны Ирана, а затем и российских войск, он привел город в полную боевую готовность, о чем свидетельствуют, как уже отмечалось, показания есаула Измаила Шахсуварова и Мамат Мирзы Сафаралиева, перехваченных на посланной из Дербенда лодке. Эти сведения о внутреннем социально-экономическом состоянии города, его военном потенциале, всеобщем вооружении дербендцев с целью оказания сопротивления

неприятелю представляют большую ценность, в связи с чем мы приводим этот текст полностью, без сокращения: «В городе - говорится в документе - находится 2500 домов, в том числе 60 армянских, из коих выходят по одному, по два, а иногда и по три человека на службу, но *жители все вооружены* (курсив наш - Г.М.). Вообще же всех вооруженных считается в Дербенте до 10.000 человек, то есть кои имеют ружья, в том числе конных и пеших около 900 чел. сверх того малыми частями и от других союзных им народов... Хлеба у всех довольно, на рынке платят за полпуде муки пшеничной по 1 рублю 20 коп., но скот весьма стеснен, ибо весь находится в городских стенах к морю. Порох делается всякой день. Пушек 5 больших и много фальконетов. Наших войск считают 20.000. Больших башен 10 в них по 100 и более. Средних 10 же, в коих по 50, а остальные охраняемы от 20 до 15 человек. Всех же числом башен 80. К морю выставлены у них сильные два пикета по 1000 человек с одною пушкою и фалконетами. По интервалам между башнями на стенах стоят частыя цепи. Стены с фундамента до половины весьма толсты, а кверху тоньше, у самих же амбразур одному только человеку можно иттить, колодезей в целом городе четыре и столько же родников через город текущих, из коих довольствуются все жители и скот».⁸⁷

Представляют интерес сообщения и о расположенном в другой части города замке Нарын-кале. Приведенные в них факты являются дополнением к выше-сказанному и дают более полное представление о средневековом городе Дербенте, выделявшемся среди азербайджанских городов своей архитектурой, фортификационными укреплениями, наличием большого количества гостиных дворов, караван-сараяв, различных мастеровых лавок, фабрик и т.д., что, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне хозяйственно-экономического развития города в изучаемый период.

Как явствует из архивного материала, «в замке Нарын-калыном пороховой завод один, публичного же строения в оном же - ханских домов и сералей два, мечеть построенная в столбе, о котором жители утверждают, что оной воздвигнут от времен Александра великаго - одна; в городе военнопленных с спомогательными от союзных войск гарнизону до 11000, от которых оружие отобрано ... армянского исповедания церкв одна, мечетей алиевой и суннинской сект 15; караванса-раев или гостиных дворов 6, лавок 450; монетный каменный двор один, домов обывательских алиевой и суннинской секты 2096, армянских -- 93, фабрик для тканья шелковых материй 30, бумажных материй 115, разных мастеровых лавок 50, пленных российских людей зашедших по перепродаже 36 человек мужеска и женска пола, грузин мужеска 6, женска одна душа».⁸⁸ Кстати, здесь имеется некоторое разночтение в отношении количества армянских домов в Дербенте, где в одном случае, их - 60, в другом - 93 дома. Думается, что, несмотря на эти расхождения, число армянских домов в городе было незначительно, в то время как в противовес этим данным в ряде источников превалирует субъективное мнение в отношении численности христианского населения здесь, которая специально завышалась, чтобы оправдать завоевательную политику царизма, выступавшего якобы в роли защитника христиан. В этой связи у П.Буткова, например, дается гиперболическая цифра в 1000 домов,⁸⁹ а в анонимном журнале эта цифра также сильно преувеличена, правда, сюда причислены и армяне из окрестных деревень, при этом, количество мусульман здесь ощутимо занижено. Как явствует из журнала, «жителей в городе было магометан обоего пола до 6.000,

да армян городских и взятых из окрестных деревень до 3.000 ... домов считалось в городе около 2000...».⁹⁰

Как видно, при сопоставлении фактов журнала бросаются в глаза цифровые расхождения. Так, если брать в среднем по 5 человек на каждый дом, то на долю мусульман приходилось 1200 домов, а на долю армян, вместе взятых, - 600 домов, что, безусловно, не соответствует вышеупомянутым показателям из архивных данных.

Анализируя действия русских войск в занятии Дербенда, вырисовывается неадекватное поведение русского командования, заключавшееся в создании как можно большего шума и нагнетании страха у местного населения, которое, однако, проявило стойкое сопротивление, сбив с русских войск эту спесь.⁹¹ По этому поводу в исторической литературе ошибочно предполагают, что такой тактический маневр русскому командованию был предложен назначенным со стороны русского правительства советником В.Зубова И.Аргутинским, писавшим еще из Астрахани, что «если даже Дербент сдадут добровольно, то не соглашаться, а взять его силою, и это по двум причинам: 1) доказать персам пустоту их самохвальства, что Дербент никем не может быть взят; и 2) нагнать страх и на другие города, чтобы знали, что после взятия Дербента, они сопротивляться не могут».⁹²

Следует отметить, что в восточной политике русского царизма христианский вопрос, в частности "армянский", хотя и занимал значительное место, то только для того, чтобы на местах иметь опору и противостояние против местного мусульманского населения, а потому к этому привлекались люди, подобные архиепископу Иосифу Аргутинскому, чьи знания «местностей, нравов и языков туземцев ...»⁹³ использовались только для налаживания контакта и склонения жителей на сторону России. Таким же образом намечалось использовать вышеназванного Муртуз Гулу хана. Здесь вполне справедливо мнение Н.Дубровина, который писал, что "по мере того как граф Зубов углублялся внутрь Персии, наше правительство признавало необходимым отправлять в его распоряжение таких лиц, которые могли бы содействовать к склонению местного населения в нашу пользу. Так сначала был отправлен армянский архиепископ князь Иосиф Аргутинский-Долгоруков, а потом и Муртуза - Кули хан ...".⁹⁴ Думается, что, какими-бы амбициозными планами не руководствовался Аргутинский с его притязаниями на азербайджанские земли, Россия использовала его в собственных интересах, и он не мог столь серьезно влиять на политику, как это преподносится в исторической литературе. В этом походе строго следовали намеченному заранее русским кабинетом плану.

В этой связи, как явствует из данных непосредственного участника похода П.Буткова, еще накануне, когда Савельев не был допущен Шейх Али ханом в Дербенд, от генерала Гудовича помимо усиления его отряда одним батальоном егерей, а вслед еще одним - мушкетеров, поступил приказ "дать Шейх-Али-Хану почувствовать страх метанием бомб из единорогов".⁹⁵ Видимо, такое же повеление от русского кабинета могло поступить и главнокомандующему, так что здесь сыграли свою роль не наставления Аргутинского, а другие, более веские причины. Русские войска, не ожидавшие такого упорного сопротивления, решили продемонстрировать мощь своего оружия, что возымело потом свое негативное действие. Это подтверждается и данными архивных материалов, в частности обращения Шейх Али хана через своего посланца Медет бека в Министерство Российской империи, где всемерно раскрываются причины оказанного сопротивления со стороны дербендцев, которое было ответной реакцией на агрессивное поведение русских войск, пустивших в ход тяжелую артиллерию, что в корне противоречило распространенному среди местного населения манифесту Екатерины II.

В этом обращении можно также проследить за вынужденными мотивами поведения Шейх Али хана по отношению к Ирану и России. Оправдывая свои поступки, он считал, что его повиновение Ага Мухаммед хану преследовало единственную цель -- сохранить целостность своего владения. По его словам, когда Ага Мухаммед хан, полностью разорив Тифлис, последовал обратно на Муганскую степь "... и не доезжая десяти верст до Сальяна во владении моем расположил свой стан ... во избежании от его злодейств, также в сохранении области своей и для успокоения народа а наиболее опасаясь дабы не причинил он моему владению такое же разорение как Карабагу и Грузии, послал ему дары и оказал ему против воли моей повиновение ...".⁹⁶ Шейх Али хан, несмотря на молодость, анализом сложившейся вокруг ханства сложной обстановки и умелым выходом из создавшегося положения, проявил незаурядный талант как государственный деятель. Это хорошо видно из его обращения, где он писал, что высланный с генералом Савельевым небольшой отряд также мог послужить поводом не только для истребления местных жителей, но и плачевно отразиться и на самих русских, так как Ага Мухаммед хан, узнав, «что россияне прибыли в Дербенд в малом числе, конечно во владении моем с другой стороны того города жителей всех разорит, перебьет, ограбит и полонит ... от пребывания онаго может зделаться великой мятеж, от которого вся здешняя страна должна будет претерпевать великое бедствие, равно войско российское будет нуждаться, и казна употреблена будет".⁹⁷ Думается, что своей тактикой лавирования Шейх Али хану удалось фактически отвести как угрозу разорения Ираном своей области, так и столкновение на своей территории двух государств.

В конце своего обращения Шейх Али хан переходит к кульминационному моменту, т.е. полному разоблачению действий русских войск, нанесших большой ущерб дербендским жителям и самому городу. Осуждая, это поведение русских войск, он писал, что "... и без всякого со стороны нашей сопротивления, зачем палить из пушек ядрами и бросать бомбы, и в находящихся за Дербендом садах деревья насажденные во время блаженной памяти ... Императора Петра Великого велел вырывать из земли и тем самым бедных подданных дер-бенцов обижать ... Я ... принужденным нашелся затворить врата Дербенда и держать в нем по причине вышеуказанных обстоятельств, не зная по какому поводу и зачем".⁹⁸

Непосредственный участник похода П.Бутков так же подтверждает агрессивные действия русских войск, которые, атаковав крепость со всех сторон, применением тяжелой артиллерии не только навели ужас на население, но и нанесли большой урон хозяйственной жизни города. «Дербент был стеснен со всех сторон -- писал он, — и жители не могли ни выходить, ни выпускать скот на пастьбу, без чего нечем было его кормить. Отряд Булгакова каждую ночь располагался в садах, почти под самыми стенами Дербента, в связи с чем хлеба потравлены, огороды потоптаны, сады ... опустошены. ... Хотя бомбы и гранаты наши падали в крепость целно, но как дома в оной все каменные и крыши на оных глиняные, то и не могли произвести пожара, но за то брешь-батареи близки были произвести проломы в замке дербентском. Все сие навело страх на Шейх Али хана и на жителей дербентских, который и преклонил их к желанию сдаться".⁹⁹

Шейх Али хан, чтобы не подвергнуть жителей и город еще большему риску и потерям, решил сдаться. 10 мая 1796 года городские ворота отворились, и город был сдан русским войскам.

Как явствует из данных анонимного журнала, где также показано не отличавшееся благосклонностью отношение дербендцев к русским войскам, 18 мая В.Зубов с генералитетом и штаб-офицерами торжественно вступил в город, и «было сделано из всех пушек по одному выстрелу. Жители скрывая робость свою и ненависть, старались казаться почтительными и толпою всюду провожали генералов...».¹⁰⁰

После вступления русских войск в Дербенд В.Зубов на правах победителя занялся выяснением причины столь упорного сопротивления дербендцев русским войскам, о чем уже говорилось выше. Добавим только, что в исторической литературе есть версия, что вообще не было никакого сопротивления городов Азербайджана русским войскам, и что все это было раздуто ничем не проявившим себя в этом походе В.Зубовым с тем, чтобы представиться в глазах русского двора героем.¹⁰¹ Безусловно, что это мнение полностью противоречит вышеизложенному и не соответствует действительности.

В подтверждение этому скажем, что после занятия Дербенда русскими войсками во избежание непредвиденных случаев со стороны населения по приказу В.Зубова у жителей было изъято все их оружие. Как явствует из анонимного журнала, «жители находились в большом страхе, когда от них стали отбирать оружие, и сложили его в Караван-Сарай под караул».¹⁰² По данным азербайджанского историка Г.Абдуллаева, «в мае 1796 г. по настоянию В.Зубова городское население вместе с ханскими войсками сдало ружья, которых при подсчете оказалось 11.000».¹⁰³ А это, в свою очередь, может служить доказательством, что для оказания сопротивления русским войскам наряду с обеспечением города тяжелой артиллерией все жители были вооружены ружьями. Кроме того, можно предположить, что В.Зубов предпринял эти меры предосторожности еще потому, что 18 мая были арестованы 10 дербендских чиновников из окружения Шейх Али хана, которых обвинили в направленном против России сговоре с дагестанцами. По словам П.Буткова, «Имам-Кули-Бек, Ахмет-Бек, Зульфугар-Бек, Али-Мурат-Бек, Ибрагим-Бек, Мегмет-Гассан-Бек, Гачи-Тагир, Гачи-Аллаг-Кули, Мирза Аскер и Аби... тайно сплетали ковы и сносились вновь вместе с Дагистанцами, чтобы напали внезапно на российское войско...».¹⁰⁴ В этой связи 25 мая эти чиновники были отправлены в Астрахань, а оттуда препровождены в Саратов.

18-летний Шейх Али хан со всей свитой, «имея каждый на шее своей повешенный меч, в знак признания вины своей» предстали перед главнокомандующим и поднесли ему серебряные ключи Дербенда.¹⁰⁵ После этого в лагерь русских войск к В.Зубову добровольно явилась сестра Шейх Али хана Периджа ханум «дочь феталиханова от усмиевой сестры, девица в летах, бывшая невеста Омар хана аварского».¹⁰⁶ Как явствует из слов очевидца событий - жены участвовавшего в этом походе русского офицера В.И.Бакуниной, Периджа ханум всегда отличалась благосклонностью к русским войскам и потому постаралась склонить брата принять Савельева и открыть городские ворота.¹⁰⁷

В.Зубов, в зависимости от сложившейся ситуации в регионе, руководствуясь полученной им еще 19 февраля 1796 г. от императрицы инструкцией «наказывать неверных и строптивых удалением от правления областей и городов»,¹⁰⁸ наметил уже свою политическую линию, направленную на создание в завоеванных областях преданной верхушки из местной знати для организации управления.¹⁰⁹ В этой связи Периджа ханум была назначена управительницей Дербенда, что было одобрено

Екатериной II, выславшей ей в подарок перо, серьги и перстень и написавшей В.Зубову в письме от 3 июня 1796 г., что «сказывают, что девица умная и хорошая собою. Мне кажется, что в ее поведении есть нечто рыцарственное, что мне понравилось».¹¹⁰

После двух недель пребывания в Дербенде, 6 июня главная часть Каспийского корпуса подошла к Губе, где, по словам В.Зубова, «многочисленное сборище народа всякого возраста, из коих старейшие» поднесли ему губинские ключи и прошение о присяге на верность России.¹¹¹

Ниже мы приводим архивный документ¹¹² с перечислением их имен:

"Мамы бека владельца Каракайдацкаго
Айдар бека Али-бекова и Раим хана бека старшины Самурскаго
Хыдыр Бека наиба Дербентскаго
Вали бека наиба Кубинскаго и Аги бека помощника его
старейшин кубинских:
Емин бека Солтана Алибекова
Емираслан бека Кадыя Малибекова
Али бека Аджи Масай бекона Магамат Али бека Сойдюмбекова
Магамат Али бека Хыдыр бекова
Мамасая бека Агу бекова
Керим бека Хаджи Абекова
Байрам бека Девриш Алибекова"

Небезынтересные сведения по этому поводу имеются и в анонимном журнале, где говорится, что наиб города Губы - Вали бек, родной дядя Шейх Али хана, в знак верности представил в аманаты В.Зубову своего двенадцатилетнего сына, и к находившемуся под арестом Шейх Али хану были допущены его мать и многие губинские чиновники.¹¹³

Примечательно, что П.Бутков отмечает, что хотя главнокомандующий и принял ключи, но гарнизон в Губу не послал, «вероятно, потому, что укрепления онаго весьма маловажны и почти без пушек»,¹¹⁴ в то время как по архивным данным, этот город со значительным для того времени количеством жителей был довольно-таки хорошо укреплен. Из документа явствует, что «пушек в оной найдено: медных с лафетами две, без лафетов три, чугунных с лафетами две же. Без лафетов пять и одна мортира. Число в Губе домов простирается до двух тысяч, а жителей обоого пола до семи тысяч человек».¹¹⁵ Думается, гарнизон в Губу не был отправлен по той простой причине, что, оставшись без своего правителя Шейх Али хана, многие жители, боясь русских войск, ушли в горы, а оставшиеся, как говорилось, выразили свое доброжелательное отношение, и город уже не представлял никакой опасности.

8 июня В.Зубов послал двух офицеров с письмами к бакинскому и шемахинскому владетелям, «а главнейше для обозрения и описания дорог туда ведущих».¹¹⁶ Однако вскоре стало известно, что бакинский Гусейн Гулу хан готовится к сопротивлению и «... желает употребить все силы свои и способы к положению преграды нашему (русских войск Г.М.) в Баку шествию...», но не отваживается, боясь собственного народа, который хотел быть в «спокойном пребывании», и потому не противился приходу русских войск.¹¹⁷ Такое поведение бакинского правителя некоторые исследователи периода объясняли деятельностью И.Аргутинского, который после приезда в Дербенд вкупе с эчмиадзинским патриархом Лукой,¹¹⁸ якобы без ведома главнокомандующего, написал коллективное обращение к христианским меликам Гарабаха о намерениях русских

войск, прибывших с целью освобождения христиан из-под ига мусульман.¹¹⁹ После этого бакинский хан решил оказать сопротивление и подговорил других азербайджанских правителей поступить подобным же образом. Думается, что эта версия не очень убедительна, так как христианскому вопросу, как уже отмечалось, в восточной политике русского кабинета уделялось немало внимания, и он был включен в инструкцию В.Зубову, который по мере завоевания русскими войсками азербайджанских провинций лично контролировал его осуществление. Это хорошо прослеживается и из инструкции В.Зубова к направленному для занятия Гянджи Римскому-Корсакову, где говорилось, что «со времени вступления моего в Персию, хотя достоинство православного нашего исповедания требует скорейшего освобождения христиан из-под ига магометанского, ... предоставляю благоразумию вашего превосходительства устроить ваше поведение таковым образом, чтоб магометане безвременно подозревать и мер осторожности противу нас принимать причин не имели, а христиане не потеряли бы бодрственной на нас надежды и не истребляли бы имевшаго к нам усердия. К примирению сих двух противоположностей, надеюсь немало послужить посредство тайное архиепископа Иосифа ... который не оставит успокаивать карабагских меликов и прочих христиан своими подкреплениями ...».¹²⁰ Как видно, факты налицо. Христианский вопрос в восточной политике кабинета Екатерины II, преследовавшей в основном цель подчинения Азербайджана, использовался как средство для выяснения расстановки сил на местах, искусственного накаливания обстановки и созданию противоборства, и все это в целом не позволяло консолидации сил со стороны азербайджанских правителей против агрессии русских войск.

Вообще складывается впечатление, что русское командование специально раздувало христианский вопрос, чтобы скрыть истинные цели похода, который, в свою очередь, был чреват своими непредвиденными обстоятельствами. Как явствует из рапорта генерал-майора Савельева от 26 марта 1796 г., Ираклий II, ободренный еще только подготовкой русских войск к походу в Азербайджан, решил отомстить Гянджинскому Джа-вад хану за его выступление на стороне иранских войск против Грузии. Этот необдуманный шаг Ираклия II на данном этапе мог помешать осуществлению основных планов русского царизма в отношении Южного Кавказа, поэтому русское командование предприняло меры предосторожности. Как писал Савельев, «может случиться, что грузины не удачным того неприятеля своего покушением, не токмо его, но и войска Аги Мегмед хана навлекут на свои земли... полковник Сырохнев [который находился в Тифлисе - Г.М.]... предупрежден... чтобы до занятия Кавказским корпусом Ганжи никаких движений не чинил».¹²¹ Впоследствии уже при осаде Гянджи в июле 1796 г. Картли-Кахетинский царь Ираклий II, которому, как уже говорилось, русский двор обещал это ханство, в споре с своим имевшим те же притязания на город союзником Гарабахским Ибрагим ханом «упустил» несколько слов в его адрес, что «... православный силы обращены в сии пределы единственно на усиление его высочества порабощением ему онаго Ибрагима и оных магометанских владельцев...».¹²² В итоге, все эти перипетии на христианскую тему способствовали тому, что Гарабахский Ибрагим хан в целях предосторожности создал коалицию в лице Шемахинского Мустафы хана и Шекинского Селим хана, организовавших заговор против В.Зубова, который, правда, окончился для них самих неудачно.¹²³

А что касается бакинского хана, не желавшего сдаваться, то скорее всего это было ответной реакцией на неадекватные действия русских войск при взятии

Дербенда, а также на пленение и фактически лишение власти Шейх Али хана со стороны В.Зубова. Поэтому Бакинский Гусейн Гулу хан, забыв про вражду с шемахинским правителем, решил пойти на примирение с ним и отправил в Шемаху своего посланца с предупреждением, что русские войска идут для низложения всех местных владельцев. Обеспокоенный этим поведением Гусейн Гулу хана, которое могло негативно повлиять и на других местных ханов, В.Зубов писал, что «хоть де он бакинский хан с ним Шемахинским ханом были в вражде, но общая напасть долженствует их соединится и ради того побуждая шамахийцев к принятию против нас оружия, сам готовится к сильному сопротивлению».¹²⁴ Письмо бакинского правителя оказало свое воздействие, после чего в Шемахе у хана стали происходить тайные «сходбища, и приметно некоторое в народе смятение».¹²⁵ Поэтому, чтобы предупредить волнение в ширванских провинциях, В.Зубов поспешил занять Баку, в связи с чем, как упоминалось, к бакинскому и шемахинскому ханам были отправлены с письмами 2 офицера. Бакинский хан не отважился повторить судьбу Губинского Шейх Али хана и не стал рисковать своим народом, который к тому же хотел спокойствия. Правда, в архивном документе все это объясняется приверженностью бакинцев к России, в связи чем Гусейн Гулу хан и его окружение, не осмелившись «поставить народ» против русских войск, 13 июня в сопровождении всех своих чиновников, взяв с собой крепостные ключи прибыли к главнокомандующему к реке Атачай.¹²⁶

В тот же день генерал-майор Рахманов с 3 пехотными батальонами, казачьим полком и 4 орудиями полевой артиллерии был отправлен для занятия Баку,¹²⁷ а бакинский хан специально был задержан В.Зубовым еще на 2 дня в лагере с тем, чтобы продемонстрировать оказанные ему прием и почести ранее прибывшему сюда посланцу шемахинского хана,¹²⁸ а также «зделать сего посланца очевидцем покорности бакинского хана...».¹²⁹ Получив от В.Зубова богатый кинжал в 1200 руб., Гусейн Гулу хан был отправлен в отряд Рахманова, который взял город Баку без сопротивления.¹³⁰ По словам П.Буткова, занятием Баку был исполнен «главнейший предмет первых операций войск, в Персию вступивших, ибо в сем городе учреждены главные депо всех воинских снабдений».¹³¹ В рапорте Рахманова к В.Зубову от 17 июня 1796 г. имеются очень ценные сведения о городе Баку, о его строениях, укреплениях, военной мощи, населении и т.д., которые представляют сегодня для нас большой интерес. «По вступлении занял стены, — писал Рахманов, — и нужные места в городе, за осмотром, сколько было возможно, нашол тройную каменную стену, по примечанию моему крепче и регулярнее Дербентской с бастионами по местам разположенными, ханской дом, городския строения сходно дербентским, но лучше отделанные, в том числе одно довольно возвышенное Кае-Кали [Гыз Галасы - Девичья Башня - Г.М.] называемое по древности своей и по особому манеру отделки приметно: сии строения по связи со стеной придают оной больше укрепления; ворот городских трое, из коих одни, называемые Сальянские завалены, другие по которым я в городе вошел, Дербентские, последние портовые над пристанью. Рядов с товарами довольно, каравансараев -11, мечетей 22, церковь армянская одна, артиллерии - две мортиры, одна трех с половиною, а другая двупудовая. Пушек медных с лафетами сорока осьми фунтовых две, 24-х фунтовая одна, 12-фунтовых -- четыре, в том числе без лафета одна, трехфунтовая одна, чугунных трех фунтовых девять, в том числе без лафетов три. Порт чрезвычайно хорош, домов более тысячи, жителей разных наций, то есть персиян, армян и грузин тысяч до четырех, около города форштадт с

довольным числом пустых жилищ, которые от набегов хана Дербентского раззорены».¹³²

По отбытии бакинского хана В.Зубов отпустил шемахинского посланца, послав Мустафе хану дорогой кинжал в 1500 рублей и письмо, где писал, что «он более Бакийскага хана может льститься милосердия» императрицы.¹³³ В ответ шемахинский хан послал к В.Зубову первого своего чиновника с "прошением о вступлении в его земли, буде то для нас выгодно, извещая, что сам готовится выехать на встречу".¹³⁴ Проследившая дальнейшее поведение Мустафы хана по отношению к русским войскам, можно сказать, что это был вынужденный с его стороны шаг, что, кстати, дало повод некоторым авторам сделать поспешный вывод о приверженности Мустафы хана России на первоначальном этапе похода В.Зубова в Азербайджан, и в связи с этим критиковать позицию русских кавказоведов, в частности Н.Дубровина, утверждавшего, что правители прикаспийских провинций, в том числе и Мустафа хан в своих отношениях с Россией были «неискренними», и в любой момент могли бы ей изменить.¹³⁵ Мы вполне согласны с мнением Н.Дубровина, ибо с первых дней появления в Азербайджане русских войск, демонстрировавших силу и мощь своего оружия с целью завоевания региона и сеявших вражду среди местного населения с различным вероисповеданием, азербайджанские владетели, чтобы сохранить свои власть и независимость, вынуждены были принять на своей территории русские войска, однако в действительности это было «неискренним», так как здесь отсутствовал фактор взаимного доверия друг к другу как со стороны России, так и со стороны местных ханов. Россия, скрывая завоевательный характер этого похода, стремилась закрепить за собой занятые провинции, насильно навязывая независимым азербайджанским ханствам колониальный метод управления. Азербайджанские же владетели в целях сохранения своей независимости лавировали и в любой момент могли оказать свое недоверие, как это было сделано Шейх Али ханом Губинским, Мустафы ханом Шемахинским и рядом других азербайджанских ханов, вынужденных вначале принять российское покровительство, а затем отойти в сторону. Такое вынужденное поведение азербайджанских правителей было правильно понято Н.Дубровиным, который писал, что «конечно, подданство это было вынужденным, точно так же как и подданство Мустафы хана Шемахинскаго (Ширванское). Хотя Мустафа хан и приглашал графа Зубова в свои владения, но делал это не из искреннего расположения, а в той уверенности, что русским войскам нет возможности миновать его владения».¹³⁶ Как видно здесь отсутствует момент добровольного желания и доминирует фактор лавирования, вынуждающий принять русские войска на собственной территории. По справедливому замечанию историка В.Левиатова, отношение к российским войскам было вопросом политики.¹³⁷

Как уже говорилось, с первых дней похода в Азербайджан не сложились отношения между В.Зубовым и местными ханами, что способствовало тому, что главнокомандующий, руководствуясь вышеупомянутой инструкцией от 19 февраля 1796 г. стал заменять «строптивных и неверных» ханов. Этот необдуманый шаг В.Зубова насторожил азербайджанских правителей и в целом решил даже исход похода. Местные ханы стали отходить от В.Зубова и объединяться для отпора русским войскам.

Заняв Баку, русские войска 19 июня 1796 г. двинулись в направлении Шемахи. 3 июля неожиданно бежал Шейх Али хан, воспользовавшись предоставленными ему

в лагере русских войск вольностями. Придя в Губу, он успел забрать жену, мать и сестру и подговорить губинских жителей, которые оставили все свое имущество и вместе с ханом бежали в горы. Такой же побег учинили и все прочие жители губинской области.¹³⁸ По словам В.Левиатова, это бегство объяснялось не стремлением примкнуть к хану, а страхом наказания со стороны русских войск.¹³⁹

Шейх Али хан успел переправить семью к малолетнему брату Гасан Бек Аге, который во время занятия русскими войсками Дербенда был увезен матерью Бике ханум¹⁴⁰ к своему отцу - илисуйскому беку¹⁴¹. Не вдаваясь в подробности о дальнейших отношениях Шейх Али хана с решившим сменить его русским командованием, отметим, что впоследствии по настоянию Зубова его малолетний брат Гасан хан прибыл с матерью из Илису в Губу и был назначен губинским правителем. Придавая этому событию особую помпезность, В.Зубов с присущим ему пафосом в своей реляции докладывал, что «Кубинская провинция до сея поры наиболее управляемая, получила ныне правосудною вашего императорского величества властью наследного своего обладателя Гассан хана законного сына Фет Али хана, коего память здешними народами почитается ... Я провидя пользу дел ... предупредил их к нам недоверие превратить в преданность ... престолу Вашему в следствие всего оный Гассан хан с матерью своею и выехавшею к нему из Дербента сестрою его Дербентскою правительницею Периджею ханумою со всеми родными прибыл в Кубинскую провинцию, встречен не только старшинами и тамошними, но и всем народом от мала до велика и провозглашен ханом по прочтении извещения моего ...».¹⁴²

Примечательно, что выражение В.Зубова о том, что «Кубинская провинция до сея поры наиболее управляемая...» опровергает утверждения некоторых исследователей об усилении русской ориентации в регионе¹⁴³ и показывает, что в занятых русскими войсками областях, включая и Шемаху, было не очень спокойно, что вынуждало главнокомандующего прибегнуть к радикальным мерам.

Подобным образом В.Зубов поступил и по отношению к Шемахинскому Мустафе хану, с большим недоверием относившемуся к главнокомандующему и полагавшему, что тот в любой момент может лишить его власти.

Как было отмечено, действия В.Зубова по осуществлению российской политики по христианскому вопросу с использованием Аргутинского закончились неудачно для русской политики в регионе. Ибрагим хан Гарабахский, против которого были направлены замыслы российского правительства, действовавшего вкуче с финансирующими этот поход армянскими деловыми людьми, вместе с Шемахинским Мустафа ханом и Пеккинским Селим ханом составил заговор и «предпринял препятствовать в дальнейших движениях» русских войск.¹⁴⁴ Главнокомандующий хорошо понимал, что он упустил момент в отношениях с местными правителями и потому открытым текстом писал, что «ханы сии признав меня общим своим неприятелем отложили до времени продолжавшееся у них междоусобие и согласились готовиться к неприязненным против войск ... [русских -Г.М.] действиям при подкреплении от Ибрагим хана в оружии ...».¹⁴⁵ В.Зубов вполне правильно охарактеризовал обстановку, когда азербайджанские правители в целях самообороны стали консолидироваться, отбросив на задний план межфеодальные распри. Мустафа хан помирился с Шекинским Селим ханом, во владениях которого скрывался прежний владетель Шемахи Гасым хан, искавший удобного момента для возвращения ханства.¹⁴⁶

Орудием исполнения этого заговора Ибрагим хан избрал находившегося в лагере российских войск молодого человека - Нурали хана, происходившего из фамилии Зендов, и в связи с этим подверженного гонению со стороны Ага Мухаммед хана. Бежавший в Россию от преследований Нурали хан, также, как Муртуз Гулу хан и Аргутинский, впоследствии был взят в поход для использования его на местах в собственных интересах.

Ибрагим хан Гарабахский в союзе с вышеназванными ханами, чтобы привлечь Нурали хана к участию в заговоре, обещал в случае благоприятного исхода дела ему в жены свою дочь редкой красоты. Для осуществления этого акта ханы обратились к Зубову с прошением свидания Мустафы хана и Селим хана, которые должны были прибыть к нему со значительным количеством «охранительных войски». Чтобы отвлечь от себя подозрение гарабахский владетель отправил к В.Зубову своего сына Абыл Фет Агу «со многими чиновниками и ста человеками препровождающих».¹⁴⁷

Основной целью заговора было с помощью Нурали хана убить В.Зубова, со смертью которого азербайджанские ханы наивно полагали освободиться от русского владычества. Нет надобности останавливаться на частностях и перипетиях этого события. Данный заговор чисто случайно был раскрыт: Нурали хана отправили в Астрахань, и было приостановлено «самомалейшия в Шамахинских областях движения ...».¹⁴⁸ В.Зубов по этому поводу в своей реляции самонадеянно писал, что «приложу всякия иныя старание к укрощению свойственного им буйства и преклонению их к видам покровительствующей империи».¹⁴⁹

Покинув в начале октября Гуртбулагское урочище, русские войска достигли столицы Шемахинского ханства - Новой Шемахи. Мустафа хан, боясь возмездия со стороны В.Зубова, оставил свою столицу и переправился с малым числом последователей на другой берег реки Куры.¹⁵⁰ В наказание за содеянное Мустафа хан был низвергнут В.Зубовым, и на его место был восстановлен бывший правитель ханства Гасым хан, о намерениях которого главнокомандующий был хорошо осведомлен. Новоиспеченный хан тут же прибыл в Новую Шемаху и принял от всех шемахинских старшин присягу на верность. Едва вступив на престол, новый хан тут же «с готовыми войсками ширванскими отправился на истребление или отгнание от здешних пределов»¹⁵¹ своего двоюродного брата Шемахинского Мустафу хана.

21 октября 1796 г. прибывшие основные силы Кавказского корпуса под командованием генерала Римского-Корсакова были отправлены из Новой Шемахи для занятия Гянджи.

Переправившись на 30 понтонах на левый [у П.Буткова ошибочно дается «правый» - Г.М.] берег р. Куры, Римский-Корсаков без препятствий вступил во владения Селим хана Шекинского¹⁵² и 13 декабря 1796 г. достиг Гянджи.

Сам В.Зубов, посадив своего избранника Гасым хана на шемахинский престол, выступил из Новой Шемахи и 21 ноября остановился ниже Джевата. Расположившись здесь лагерем он отправил всю иррегулярную кавалерию с генералом Платовым на правый берег Куры, на Муганскую степь, куда впоследствии прибыл и Муртуза Гулу хан, которого должны были использовать по мере углубления русских войск «внутрь Персии».¹⁵³

Планы российского кабинета по устройству занятых азербайджанских областей, строительству крепостей, перестройке бакинской гавани были обширны, но им не

суждено было исполниться. Со смертью 6 ноября 1796 г. Екатерины II, русские войска были отозваны вступившим на престол русским императором Павлом I. В.Зубов был отстранен от командования, и новым главнокомандующим на Кавказской линии вновь был назначен генерал В.Гудович.¹⁵⁴

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что данный поход В.Зубова, организованный кабинетом Екатерины II, завершился бесславно для России, затраты которой исчислялись «около 1700 тысяч рублей деньгами того времени».¹⁵⁵

Примечательно, что мнения по оценке похода русских войск в 1796 г. в Азербайджан неоднозначны и носят несколько разноречивый характер. Ряд исследователей периода в силу своей тенденциозности не решались признать завоевательный характер этой военной кампании, нанесшей ощутимый материальный и моральный ущерб местному населению. По этой же причине эти авторы никак не хотели воспринимать упорное сопротивление русским войскам местных владетелей, которые нарекались «неприятелями» и «варварами», и для которых этот метод был естественным способом отразить внешнюю агрессию с целью сохранения своей независимости.

Мы вполне согласны с трактовкой русского кавказоведа Н.Дубровина, который считал, что эта военная операция кроме больших денежных затрат ничего России не принесла. При этом все военные неудачи русских войск в регионе он приписывал бездарности и тщеславию главнокомандующего В.Зубова.

Несколько иная позиция у советских историков, которые обвиняли в данной якобы удачно складывавшейся в пользу русского оружия ситуации Павла I, действовавшего наперекор политике своей матери и потому отозвавшего войска обратно, в то время как азербайджанские провинции полностью были подчинены русским войскам. Так, по словам В.Левиатова, русские правительственные круги, «отозвав войска и отказавшись в 1796-1797 гг. от присоединения к России Грузии и Северного Азербайджана, несомненно совершили крупную ошибку».¹⁵⁶

В недавно опубликованной книге Алексея Шишова, который далек от объективной оценки развернувшихся в этот период событий, превозносятся полководческие способности В.Зубова, которые никогда ему не были присущи, и игнорируется независимость североазербайджанских ханств. Так, считая, что этот поход завершился для России удачно, автор пишет, что «поход российских войск в ханства Северного Азербайджана, подвластные персидской державе, удался.

Если бы не воцарение Павла I, с первых дней своего правления стремившегося низвергнуть многое, что было связано с именем и делами его матери, военные успехи двадцатичетырехлетнего генерал-аншефа могли бы быть много больше, ибо граф В.А.Зубов обладал несомненными задатками способного военного вождя».¹⁵⁷

Думается, что Павел I, отозвавший русские войска обратно, своевременно предостерег В.Зубова от дальнейших ошибок. Не способный на самостоятельные решения В.Зубов, не смог сориентироваться в политических перипетиях в регионе и фактически провалил планы и надежды русского двора относительно Южного Кавказа, ибо с первых дней своим недоверием к местным ханам, которые за оказание сопротивления были устранены от власти и заменены якобы более преданными правителями, он вызвал взаимное недоверие. И в результате, азербайджанские владетели, стремившиеся сохранить собственную независимость, отошли от Зубова и составили против него оппозицию. Все это решило исход похода не в пользу России. И потому в данном случае бессмысленно было говорить

об успехе русского оружия, так как эта кампания не оправдала себя, о чем в свое время говорил и Гудович, обвинивший В.Зубова в полной недееспособности и отсутствии у него полководческого дара. С обидой в душе, характеризуя бездарность В.Зубова, он писал: «Все награждения получил он за мои труды ... Дербент он взял готовый, пришедши туда со всем от меня изготовленным и тут же потерял несколько людей напрасно, приказавши из Кизляра, тайно от меня, отступить генерал-майору Савельеву, по отступлении которого Шейх Али хан сделал башню на высоте, оставленный и командующей городом, которую он штурмовать был принужден. Ширвань не только очищена до Куры, но войска наши теряют то уважение и страх, которых персияне к нам имели ...».¹⁵⁸

Эти слова Гудовича лишний раз подтверждают тот факт, что восточная политика русского царизма на Южном Кавказе и на втором этапе завоевательного похода русских войск на исходе XVIII в. окончилась неудачно.

- ¹ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 304.
- ² АМЕА «Xəbərləri» (humanitar elmlər seriyası), 2000, №3.
- ³ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 16.
- ⁴ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 324.
- ⁵ Там же, с. 331.
- ⁶ Там же, с. 330.
- ⁷ Там же, с. 329.
- ⁸ Там же, с. 330.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 8.
- ¹¹ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 331-332.
- ¹² АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 5.
- ¹³ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 335.
- ¹⁴ Там же, с. 332.
- ¹⁵ Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 90.
- ¹⁶ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 14об.
- ¹⁷ Там же, л. 35 об.
- ¹⁸ Там же, лл. 18, 19
- ¹⁹ Там же, л. 15 об.
- ²⁰ Там же, л. 25.
- ²¹ Там же, л. 6; Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 14
- ²² АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 32 об.
- ²³ С.Б.Ашурбейли. Указ, раб., с. 292; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 93.
- ²⁴ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 35 об.
- ²⁵ Там же, л. 32 об.
- ²⁶ Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 56
- ²⁷ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 337
- ²⁸ Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 55; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 87
- ²⁹ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 171.
- ³⁰ Н.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 343.
- ³¹ Там же, с. 342.
- ³² Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 86
- ³³ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 347
- ³⁴ Историческое известие ..., с. 163-164
- ³⁵ Там же, с. 131.
- ³⁶ Там же, с. 132.
- ³⁷ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 348
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 348
- ⁴¹ Там же, с. 349
- ⁴² АВПРИ. Ф. СРП, оп. 77/6, д. 473, л. 28 об.
- ⁴³ Там же, оп. 77/5, д. 2. л. 308.
- ⁴⁴ Там же
- ⁴⁵ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 367.
- ⁴⁶ Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 87-88
- ⁴⁷ Там же, с. 87.
- ⁴⁸ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 350
- ⁴⁹ Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 88.
- ⁵⁰ А.Шишов. Полководцы кавказских войн. Москва, 2003, с. 20.
- ⁵¹ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 349.
- ⁵² Там же, с. 350-351
- ⁵³ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 4.
- ⁵⁴ Там же, л. 5.
- ⁵⁵ Там же, оп. 77/5, д. 2. лл. 300, 300 об; Дж.М. Мустафаев. Указ, раб., с. 88.

- ⁵⁶ АВПРИ, ф. СРП, он. 77.1, д. 2 (1796 г.).
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Акад. И.Г.Алиев. Нагорный Карабах: история, факты, события. Баку, 1989, с. 18-19; В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 149.
- ⁵⁹ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/5, д. 2, л. 307.
- ⁶⁰ Там же, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 50.
- ⁶¹ Там же, л. 52.
- ⁶² Там же, оп. 77/7, д. 160, л. 5.
- ⁶³ Там же, л. 6.
- ⁶⁴ Там же, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, (1791-1796 гг.), л. 64.
- ⁶⁵ «Историческое известие ...», с. 145; А.Шишов. Указ, раб., с. 27.
- ⁶⁶ «Историческое известие ...», с. 146.
- ⁶⁷ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 381.
- ⁶⁸ «Историческое известие...», с. 146.
- ⁶⁹ А.Шишов. Указ, раб., с. 28.
- ⁷⁰ Историческое известие ...», с. 150.
- ⁷¹ Azərbaycan tarixi (uzaq keçmişdən 1879-cü illərə qədər) Bakı, 1996, s.551.
- ⁷² АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, л. 65.
- ⁷³ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 382.
- ⁷⁴ Там же, с. 385; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 90.
- ⁷⁵ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1, л. 41 об.
- ⁷⁶ Там же, л. 41.
- ⁷⁷ Там же, оп. 77/7, д. 160, л. 24 об.
- ⁷⁸ Там же, л. 15.
- ⁷⁹ Там же, л. 25 об.
- ⁸⁰ Там же, л. 26.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, л. 26 об.
- ⁸³ Там же, л. 27.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, д. 160, л. 25.
- ⁸⁶ Там же, л. 24 об.
- ⁸⁷ Там же, лл. 15, 15 об.
- ⁸⁸ Там же, л. 21 об.
- ⁸⁹ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 142.
- ⁹⁰ «Историческое известие ...», с. 153.
- ⁹¹ Бакунина В.И. Персидский поход в 1796 г. (Русская старина), 1887, т. 53, с. 356; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 90.
- ⁹² Н.Дубровин. Указ, раб., т. 3, с. 8; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 90.
- ⁹³ Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношении. Санкт-Петербург, 1859, с. 5.
- ⁹⁴ Н.Дубровин. Указ, раб., т. 3, с. 192.
- ⁹⁵ П.Г.Бутков. Указ, раб., т. II, с. 351.
- ⁹⁶ АВПРИ, ф. СРП, он. 77/6, д. 471, лл. 45, 45 об.
- ⁹⁷ Там же, лл. 19, 45 об.
- ⁹⁸ Там же, лл. 47, 47 об.
- ⁹⁹ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 384.
- ¹⁰⁰ «Историческое известие ...», с. 155.
- ¹⁰¹ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 181.
- ¹⁰² «Историческое известие ...», с. 154.
- ¹⁰³ Г.Б.Абдуллаев. Указ, раб., с. 108.
- ¹⁰⁴ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 386.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 385.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ В.И.Бакунина. Указ, раб., с. 357; В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 179.

- ¹⁰⁸ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 83.
- ¹⁰⁹ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 179.
- ¹¹⁰ Цитирую по: В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 180.
- ¹¹¹ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 33.
- ¹¹² Там же, лл. 33 об., 34.
- ¹¹³ "Исторические записки ...", с. 160.
- ¹¹⁴ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 388.
- ¹¹⁵ АВПРИ, ф. СРП, д. 160, л. 40.
- ¹¹⁶ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 388.
- ¹¹⁷ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 34, 34 об.
- ¹¹⁸ Там же, оп. 77/1, д. 1, л. 79 об.
- ¹¹⁹ Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 91.
- ¹²⁰ Н.Дубровин. Указ, раб., т. 3, с. 181-182.
- ¹²¹ АВПРИ, ф. СРИ, оп. 77/7, д. 160, л. 6.
- ¹²² Там же, л. 54; оп. 77/1, д. 1 (1791-1796), л. 80.
- ¹²³ Там же, л. 54 об; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 95.
- ¹²⁴ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 35; Н.Дубровин Указ, раб., т. III, с. 193.
- ¹²⁵ АВПРИ, ф. СРИ, оп. 77/7, д. 160, л. 35.
- ¹²⁶ Там же, л. 36.
- ¹²⁷ Там же, л. 36 об.; Н.Дубровин. Указ, раб., т. 3, с. 134.
- ¹²⁸ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 37 об.; Н.Дубровин. Указ, раб., т. 3, с. 134.
- ¹²⁹ Н.Дубровин. Указ, раб., т. 3, с. 134.
- ¹³⁰ Там же, с. 134.
- ¹³¹ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 389.
- ¹³² АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, лл. 38-38 об.
- ¹³³ Там же, л. 37; Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 134.
- ¹³⁴⁴ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 37.
- ¹³⁵ Дж. М.Мустафаев. Указ, раб., с. 92-93.
- ¹³⁶ Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 145.
- ¹³⁷ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 185.
- ¹³⁸ П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 390.
- ¹³⁹ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 182.
- ¹⁴⁰ У П.Г.Буткова это имя дается как Гурю-Пари [скорее Гуллю-Пари - Г.М.] - П.Г.Бутков. Указ, раб., ч II, с. 391.
- ¹⁴¹ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 84.
- ¹⁴² Там же, л. 84 об.
- ¹⁴³ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 179; Дж.М.Мустафаев. Указ. раб., с. 99.
- ¹⁴⁴ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 54 об.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 183.
- ¹⁴⁷ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/7, д. 160, л. 55.
- ¹⁴⁸ Там же, л. 55 об.
- ¹⁴⁹ Там же, л. 57 об.
- ¹⁵⁰ Там же, л. 84.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² П.Г.Бутков. Указ, раб., ч. II, с. 412.
- ¹⁵³ Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 192.
- ¹⁵⁴ Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 99.
- ¹⁵⁵ В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 188.
- ¹⁵⁶ Там же, с. 189.
- ¹⁵⁷ А.Шишов. Указ, раб., с. 21.
- ¹⁵⁸ Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 197.

ГЛАВА II

О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПОХОДА В.ЗУБОВА В АЗЕРБАЙДЖАН

Вопрос о походе русских войск под начальством В.Зубова в 1796 г., направленном на осуществление колониальной политики царизма в отношении азербайджанских областей, нашел свое широкое отражение в исторической литературе. Однако освещение его последствий для региона, в частности для Ширвана, осталось вне поля зрения, а точнее сказать исследователи необоснованно обошли этот вопрос стороной, хотя фактического материала по этому поводу было более чем достаточно. Так, в персидском фонде Архива Внешней Политики Российской Империи сосредоточены привлеченные нами в научный обиход архивные материалы - письма и прошения на имя императора Павла I Губинского Шейх Али хана и разных дербендских жителей, проливающие свет на неадекватные действия русских войск в Азербайджане, нанесшие ощутимый ущерб местному населению, который значительно превышал расходы России на эту военную кампанию..

Как известно, этот поход в связи со смертью императрицы Екатерины II 6 ноября 1796 г. был приостановлен взошедшим на престол Павлом I, который отклонил главнокомандующего Кавказской линией В.Зубова, вновь назначив на это место В.Гудовича. Эта неудачно сложившаяся для России военная кампания осталась незавершенной. Она нанесла большой урон местному населению, хотя ряд авторов считает, что русская армия во время похода строго соблюдала личную и имущественную безопасность местного населения.¹

После ухода русских войск вновь вернулся ко власти отстраненный В.Зубовым Губинский Шейх Али хан, который, как говорилось, был в опале у главнокомандующего за оказанное им сопротивление при занятии Дербенда. Приступив к своим обязанностям Шейх Али хан, чтобы восстановить справедливость и реабилитировать себя в глазах нового императора Павла I, решил отправить своего посланца Медет бека к русскому двору. В этой связи им были составлены прошения от себя и от имени дербендских жителей с жалобой о проделках русских войск в 1796 г. в регионе.

Эти письма представляют для нас неоценимое значение, так как полностью раскрывают завоевательный характер похода, негативное поведение русского командования по отношению к самому Шейх Али хану и к населению, которые хотели получить полную конфискацию за нанесенный материальный ущерб не только себе, но и всей области.

Наряду с этим Шейх Али хан в своих письмах предъявлял также права на Баку, «так как сей город и управлявшие им ханы издревле его предкам принадлежали».²

Любопытно отметить, что хотя Медет бек был отправлен к российскому двору в качестве посланца от Шейх Али хана «для донесения о всех своих делах и испрошения себе высочайшей милости», однако его письменное представление Гудовичу о правах губинского хана на Баку вызвало у властей некоторое колебание, хотя им было известно об отказе Бакинского Гусейн Гулу хана подчиниться губинскому владельцу. Поэтому Гудович стал «спрашивать всевысочайшаго повеления отправлять ли того посланца к высочайшему двору ... и на каком основании».³

Медет бек благополучно прибыл в Санкт-Петербург и 10 апреля 1798 г. «учинил присягу».⁴

Не вдаваясь в подробности дипломатических тонкостей, скажем что эти письма Шейх Али хана и дербендских жителей были переданы Медет беком в российский кабинет и рассмотрены поэтапно на разных инстанциях в Азиатском департаменте и в Министерстве. Знакомясь с содержаниями этих писем, мы обратили внимание на тот факт, что они диаметрально противоположны с данными реляций и донесений русского командования о событиях на местах.

Будучи молодым человеком Шейх Али хан, обладавший острым умом, смог в своих письмах не по возрасту мудро проанализировать всю обстановку в период похода Зубова и сделать свои правильные логические выводы.⁵

Так, в письме в Министерство Шейх Али хан свое сопротивление генералу-майору Савельеву, прибывшему с малым числом войск в начале декабря 1795 г. с целью занятия Дербенда, объяснял опасением перед грозным иранским завоевателем Ага Мухаммед ханом, который после разорения Грузии последовал обратно в Муганскую степь и расположился близ Сальяна в Губинских владениях. Он не скрывал, что именно чувство страха, а также стремление защитить дербендцев от разорения вынудили его послать Ага Мухаммед хану подарки и оказать ему повиновение, ибо в противном случае иранский правитель, узнав о прибытии русских войск в таком малом количестве в Дербенд, "с другой стороны города жителей всех" разорил бы.⁶

Шейх Али хан также осуждал агрессивные действия В.Зубова, приказавшего окружить Дербенд и «бросать в него бомбы и палить из пушек», а также уничтожить за Дербендом сады с насаждениями.⁷ Эти действия со стороны русских войск подтверждаются данными другого архивного документа под названием «Перевод с донесения Его Императорского Величества от разоренных жителей Дербендских», где говорится, что «... Граф В.А.Зубов с победоносным войском всероссийским прибыв к нам в Дербенд, все в садах деревья, насаждения ... приказал вырыть, и не оказуя к нам ни малейшаго сожаления делал все те обиды, какие только мог и коих изобразить не возможно».⁸

Шейх Али хан в отличии от многих исследователей периода смог правильно оценить причину недоверия к В.Зубову азербайджанских правителей, и в связи с этим их отчуждение от России. В то время как исследователи объясняли это развернувшейся среди христианского населения деятельностью Архиепископа всех армян России Аргутинского,⁹ Губинский Шейх Али хан, проведя детальный анализ событий, связал это со своим собственным отстранением от власти и заменой его другим правителем со стороны В.Зубова. По этому поводу у Шейх Али хана написано, что «(В.Зубов — Г.М.) меня арестовал и владение мое препоручил другим ... и когда о таком ... учиненном со мною поступке узнали ближайшие мои соседи персидские (азербайджанские Г.М.) владельцы всероссийской империи приверженные, то ожидая и себе тоже и не предвидя ни малейшей от него пощады все тогда разбежались и поселились по горам в крепчайших местах ...».¹⁰

Далее в своих письмах Шейх Али хан говорит о непоправимом уроне, нанесенном его области и населению при выводе русских войск. Так, в одном из своих писем Шейх Али хан подчеркивает, что несмотря на его письменное обращение к генералу Булгакову, не разоряя его владения, он «жительствовавших с давних времен в Дербенте, Кубе, Мушкуре и Баткубе армян и находившихся в

услужении магометан купленных ими разных наций мужеска и женска пола людей переселил в Россию».¹¹

Шейх Али хан с присущей ему стойкостью характера не скрывает своего неприязненного отношения к действиям русского командования и конкретно называет сумму нанесенного ими области ущерба. Это хорошо прослеживается из его письма в Министерство, где говорится, что «... во время пребывания здесь войска российского по несправедливым поступкам онаго начальников, а имянно Графа Зубова и Господина Булгакова причинено бедным моим подданным убытку более нежели на двести тысяч тюменей».¹²

Сделаем некоторую оговорку в отношении эквивалента денег и добавим, что в самом документе рядом с указанной суммой в туманах было приписано, что «тюмень примерно содержит в себе десять рублей российской монетою».¹³ Исходя из данного расчета, Азиатский департамент, рассматривая эти факты, констатировал, что «[генерал Булгаков - Г.М.] при выходе своем сделал ей [Губинской области - Г.М.-] более нежели на двести тысяч тюменей, то есть на *два миллиона* [курсив наш - Г.М.] убытку».¹⁴ Несомненно, что в номинальной стоимости этих денежных знаков при сравнении их с курсом изучаемого периода, есть расхождения, однако, учитывая тот факт, что русское правительство отказалось от возмещения стоимости понесенного областью убытка, мы решили придерживаться указанного в архивном документе курса. Если сопоставить эту сумму с затратами русского кабинета на поход, то можно сказать, что за период пребывания русских войск Губинская область претерпела ощутимый урон.

По данным архивных материалов, одних только слуг и служанок насильно было вывезено 54 человека, о чем в вышеуказанных донесениях «разоренных жителей Дербентских» говорилось, что В.Зубов «слуг и служанок из Грузин и других наций бывших у нас в услужении уже лет по тридцати и по сороку и купленным нами на собственные наши деньги ... отняв у нас некоторых взял с собой, а прочих отправил ... в Кизляр ...».¹⁵

В этом донесении для нас большую ценность представляет список, где наряду с поименным перечислением дербендских жителей и указанием «коих число и у кого они отняты», а также указанием заплаченных за каждого из них определенной суммы, зафиксированы изъятые у жителей деньги. Ниже мы приводим содержание этого списка:¹⁶

Владельцы с указанием количества их слуг и служанок	Уплаченные за них, а также изъятые у владельцев деньги в рублях
«У Хаджи Мугаммеда сына Муса хана взято деньгами	1000
у него же отнят слуга стоящий ему	500
и служанка	500
У Аги Юсуфа сына Хаджи Аскера взято деньгами	1200
и него же двое слуг стоящие	800
и две служанки	1000
У Мешеди Курбан Али две служанки в	1500
У Ахмед Аги Дербендскаго слуга в	400
У Хаджи Иманы взято деньгами	2000

у него же взято три служанки в	1500
и один слуга в	500
У Хаджи Мир Сеид Алия Испаганского	1260
двое слуг стоящие	
У Мирзы Кучука Испаганского деньгами	1200
и один слуга в	500
и служанка стоящая ему	700
У Хаджи Мегеммед Регима Девелускаго деньгами	1000
один слуга стоящий	500
и служанка тоже в	500
У Хаджи Абубекра двое слуг стоящие	960
У Зульфekar Аги двое слуг стоящие	1000
У Мешхе ди Хаджи Зигира один слуга в	400
У Аллахверди Шабранского две служанки в	1000
У Хаджи Мегеммед Коса деньгами	1500
один слуга в	500
и служанка в	1000
У Мегоммеда Ширванского деньгами	800
служанка стоящая	500
и слуга в	300
У Хаджи Ибрагима двое слуг стоящие	800
У Абутураба слуга в	400
У Хаджи Имам Назара слуга в	400
У Хаджи Тагар бея деньгами взято	900
служанка в	500
и слуга в	400
У Хаджи сына Кербалаи Аги Рагима	400
двое слуг в	900
У Хаджи Ферз Алия слуга	400
У Муллы Казима двое слуг в	900
У Хадаи Вардия слуга в	400
У Мирзы Аскера слуга в	500
У Имам Кули Бея деньгами	20000
у него же 10 человек слуг и служанок стоящие	5000
так же взято векселей на	30000
У Муллы Казима Ганжийского один слуга стоящий	400
Всего издержано деньгами	30200
Увезенные 54 человека слуг и служанок стоят	25026
С векселями взято	30000

Как видно, русским командованием наряду с насильственным вывозом в Россию податной силы была изъята у местного населения довольно крупная для того времени сумма денег в 60200 руб.

Кстати, никто из исследователей периода не обратил внимания на эти факты, о существовании которых, думается, им было известно. Исключение составил видный

азербайджанский историк Г.Абдуллаев, который, однако, использовал эти архивные документы в свете освещения социально-экономического положения азербайджанских ханств, где в отдельных случаях как пережитки патриархального уклада имели место факты купли и продажи людей.¹⁷ Отметим, что в сопоставлении с нашим материалом в приведенном из архивного материала тексте автора имеется немало разночтений в именах владельцев, количестве слуг и служанок. Примечательно, что автор, руководствуясь канонами советской действительности, сознательно исключил из этого списка насильно изъятые русским командованием у местных жителей деньги и векселя. Поэтому, не вдаваясь в подробности политической стороны вопроса, Г.Абдуллаев ограничился одной оговоркой, что «во время похода русских войск в Азербайджан в 1796 г. командующий граф В.Зубов и генерал Савельев по неизвестным нам причинам изъяли в Дербенте у владельцев купленных ими домашних рабов».¹⁸ Хотя причину следовало искать в навязанной русским царизмом Азербайджану войне, в результате которой в сложившейся политической ситуации русское командование, считавшее себя в регионе победителем, повело себя по отношению к местному населению соответствующим образом.

По данным последующего письма хана под названием «Перевод со второй записки к Министерству от Дербенского Шейх Али хана посланца Медед бека» наряду с вышесказанным становятся очевидными и другие неблагоприятные поступки русского командования по насильственному пленению местных жителей. Как выясняется из пункта четвертого, «генерал-порутчик Савельев отнял у Хаджи Магомеда Дербендского одного мальчика и девушку и увез с собою в Россию же ... Равным образом и племянник онаго генерал-порутчика Савельева Ефим Савельев насильственным же образом отнял у шабранских магометан пятерых дочерей девиц и яко пленных вывезли из Шабрана и ныне оных держит у себя».¹⁹

В этом пункте записки говорится также, что российские военачальники «отняли у Магомеда Касыма Дербентского жену его Мину, купленную прежде им у лезгинцов девицею из Грузинок, и за него вышедшую в замужество и обеременившую от него» и которая в дороге в Россию родила дочь, названную Анаханым.²⁰

В данном пункте упоминается и о вывезенных в Россию и оставленных в Моздоке 10 мусульманских слугах и служанках из черкесских народов, принадлежавших знатному Имам Гулу беку Дербендскому, имя которого также дается в вышеприведенном списке.

Здесь же говорится о похищении и вывозе в Россию российским поданным неким армянином Иваном «жены с одним малолетним сыном высокославнаго и знаменитнейшаго Бакинскаго Мелика Мугамед хана сына Абдур Рахмана Аги».²¹

Кстати, в одном из своих писем Шейх Али хан также говорит о сыне чиновника Магомед Яр Бея, который был «в плен захвачен» и также вывезен в Россию.²²

В подтверждение вышесказанного и на основе приведенных фактов можно констатировать, что русское командование после занятия азербайджанских областей повело себя с местным населением на правах победителя к побежденному, и в результате наряду с «домашними рабами» ими в областях Шейх Али хана насильственно были отняты у семей и увезены в плен также и свободные люди.

А это фактически было политическим актом насилия со стороны российских войск в 1796 г. по отношению к местному населению, что, к сожалению, игнорировалось многими исследователями периода, которые в силу своих политических убеждений не только не дали объективной оценки этой военной

кампании, но и в своих исследованиях обошли молчанием последствия похода русских войск в Азербайджан.

Интересно, что во второй записке Шейх Али хан поднял и ряд вопросов, связанных с урегулированием азербайджано-русской торговли, которая являлась важным аспектом политических отношений. В этой связи он стремился добиться у русского двора возмещения убытков своим купцам за прошлые годы. Представленные об этом ниже частичные факты свидетельствуют о высоком товарообороте и месте в русско-восточных торговых отношениях азербайджанского, и в частности ширванского купечества.

Как явствует из первого пункта записки, еще в период правления Фетх Али хана Губинского, его ближайшие чиновники заняли у российского кизлярского купца Гургина 3700 рублей. После смерти губинского хана Гургин вместо получения денег от тех чиновников ограбил товары дербендских купцов в Кизляре стоимостью "по тогдашней цене суммою на 8500 рублей".²³

В пункте втором записки говорилось, что года три назад бывший посланником при русском дворе везирь Шейх Али хана Мирза Гасан при возвращении остановился в Кизляре и, чтобы не быть ограбленным в дороге по причине войны с Ираном, отдал на сохранение местным купцам «сыновьям Хаджи хана: Садыку и Хаджию «300» червонных и полтора империала при свидетелях а именно: Кубинском Аге Мугомеде, Ширванском Аге Микаиле и Дербендских Аге Джефере Абдул Кериме и Хаджи Мугомеде».²⁴ После отъезда в Дербенд Мирза Гасан этих денег не получил, и потому просил Медет бека получить их вместо него.

В третьем пункте записки извещалось, что некоторые дербендские жители - Али Мирза, Ага Мирза и Реджеби Гейдер выехали в Российскую империю, видимо, с торговыми целями и не вернулись этим Медет бек ходатайствовал об их возвращении.

Наше внимание привлекла еще одна записка Медет бека в Министерство, имевшая непосредственное отношение к действиям русских войск после занятия Дербенда. Как явствует из содержания письма, Хаджи Ибрагим хан Сальянский вместе с Мугаммедом Губинским арендовали в Сальяне у некоего астраханского купца купеческое судно ценой в 600 руб. Последний должен был нагрузить на судно и доставить в Губу 25.000 пудов соли. Вместо этого астраханский купец привез товар в Дербенд и передал находившемуся там генерал-майору Савельеву, «от коего и воспользовались оною ... всероссийские войска».²⁶ Узнавшие об этом вышеупомянутые ширванские купцы, «видя себя чрез такой случай раззоренными», приехали в Астрахань, чтобы получить от астраханского таможенного служителя армянина Арутина «должныя российскою ходовою монетою деньги полторы тысячи рублей».²⁷ Однако таможенный служитель отказался платить им, «отзываясь якобы он по банкротству его не в состоянии, хотя имеет у себя имение, яко то дом и сад».²⁸ В то же время вышеназванный астраханский купец согласно договору с ширванскими купцами «вступил на них в тамошнее правительство с претензией о заплате за провод оной 600 рублей».²⁹

Как упоминалось ранее, Шейх Али хан в своем письме просил русские правительственные круги о возвращении издавна проживавших на его земле армянских семей, при этом не указав их количества.

Поэтому, чтобы выяснить точное число переселенных из областей Губинского хана «Дербента, Кубы, Мушкуры и Бадкубы» армянских семей, русские правительственные круги обратились за сведениями к посланнику Медет беку, что

нашло свое отражение в «Записке об ответах Дербендского посланца Медед бека» от 16 декабря 1798 г. Так как эти семьи были насильно переселены из различных мест области именно в момент ухода русских войск, то их точное количество не было зафиксировано, о чем свидетельствует и неопределенный ответ Медед бека по этому вопросу. «Он подлинно уверить не может, - говорится в этой записке, - сколько тех семейств переселено, но что в Дербенде от письмоводителей ханских слышал, что их переселено до 560 домов ...».³⁰

Кстати, как отмечалось в предыдущей главе о том, что армяне на территории Северного Азербайджана до переселенческой политики России в 1828 г. (по условиям Туркменчайского договора) также, как и азербайджанцы, были потомками древних албанцев, коренных жителей страны. Часть из них в период проводимой арабским Халифатом вкупе с армянским католикосатом политики обратилась в мусульманство, другая часть подверглась арменизации, сохранив, однако, до 1836 г. автокефальность албанской церкви.

Русский царизм, проводя в жизнь свою колониальную политику, в союзе с армянскими деловыми людьми и григорианской церковью в целях деэтнизации христианского албанского населения и в дальнейшем арменизации региона, чтобы иметь противостояние против местного мусульманского населения, еще со времен Петра I проводил переселение албанских христиан, заселяя впоследствии на их места пришлых армян из Ирана и Турции. Эта переселенческая политика была удачно осуществлена царской Россией после завоевания Северного Азербайджана в 1828 г.

Кстати, очень любопытные сведения по этому поводу имеются у Б.Миллера, изучавшего этнологию татов на территории Азербайджана, в частности в районе Губы, Хачмаса, Шемахи и Баку. По его словам, вместе с отступавшими русскими войсками В.Зубова из губинских селений Верхнее и Нижнее Талаби и других мест, названия которых им не указаны, на Северный Кавказ ушло до 10.000 армян.³¹ Безусловно, его сведения о численности уведенных русскими войсками армян явно преувеличены и превышают общеизвестные показатели в 4 раза. Наряду с этим автор полагает о наличии в вышеупомянутом регионе армяно-татов и причисляет к их числу и переселенцев на Северный Кавказ. Не оспаривая это мнение Б.Миллера, добавим, что его представление о христианском населении являвшегося албанской областью региона необосновано и очень противоречиво. Запутавшись в собственных доводах о том, что здесь «стало распространяться и христианство в его армянской форме», автор без ссылки на историческую принадлежность территории к Албании с присущим области албанским этносом, утверждает, что «В Кубинском уезде также немало следов бывшего армянского христианства ... Верхнее Талаби так и Нижнее Талаби раньше были армянские»,³² что, несомненно, абсурдно и не научно. Кстати, Б.Миллер не включил в свой список переселенцев со всей области Шейх Али хана, охватывавшей, как было сказано, Губу, Баку, Дербенд и Мушкур, что является подтверждением фрагментарности и неточности его сведений о христианах региона. Думается, что насильно уведенные русскими войсками христианские семьи были албанского происхождения и не имели никакого отношения к армяно-татам. На наш взгляд, эта точка зрения автора носит спорный характер, и этот вопрос не нашел своего отражения в исторической литературе. Как известно, русский царизм, заинтересованный в деэтнизации поздних албанцев, переселил их на Северный Кавказ с целью лишить их исторической родины и албанского самосознания.

Шейх Али хан Губинский, учитывая компактное проживание издавна в своей области с мусульманским населением христианского населения, частично использовал их для служения в своей гвардии. Как явствует из записки, Медет бек очень категорично поставил вопрос о возвращении этих семей, много значивших для хана, в основном, как податное население. Чтобы заполучить их любой ценой обратно ханский посланец писал, что «хану его не нада за них и десяти миллионов рублей, ибо они составляли всю его силу и из них состояла и гвардия его поелику он на верность их всегда полагался..., поэтому просил возвращения на прежние жилища хотя бы части христианского населения.³³ Таким образом можно полагать, что эти семьи были переселены со стороны русских войск насильно, ибо несмотря на различие веры христианское население до появления здесь русских войск жило компактно, имело общий быт, общие корни и ничем не выражало своего недовольства.

Насильственное переселение этнических албанских христиан и заселение их в Моздоке было единственным трофеем русских войск в этом неудачно окончившемся для России военном походе в Азербайджан. В этой связи, говоря о численности переселенцев и оценивая итоги похода для России, Н.Дубровин писал, что «так кончился персидский поход 1796 года, поход, стоивший нам больших издержек, не приведших ни к каким результатам, за исключением вывода в Россию 500 семей армян, поселенных на линии».³⁴

Шейх Али хан через своего посланника просил также об освобождении Аббас хана Гаджара, содержащегося более семи лет еще со времен правления Екатерины II под арестом в Астрахани, и несмотря на то, что с восшествием на престол нового императора многие «по милосердию его» были освобождены, однако Аббас хан Гаджар продолжал оставаться в «прежнем своем состоянии».³⁵

В этой же «Записке об ответах ...» Медет бек дал справку и о координатах захваченного в плен сына чиновника Магомеда Яр Бея, о котором в письме Шейх Али хана не указывались его данные. Как выясняется из ответа Медет бека, «захваченного в плен мальчика звали Ага Заман и ему было тогда 15 лет, и, он находится якобы у племянника генерал-лейтенанта Савельева или генерал-майора Рахманова».³⁶

Помимо всего этого, Шейх Али хан, учитывая нужду области в привозном железе, через Медет бека в первой записке просил русское правительство предоставить ему 4000 пудов железа на починку «каменные дома по обветшалости их», с беспрепятственным вывозом его из Астрахани в Дербенд.³⁷

Азиатский Департамент, рассмотрев все жалобы Шейх Али хана, представил свое мнение по каждому делу в Министерство. Эти суждения представляют для нас большой интерес, так как полностью раскрывают колониальную сущность царизма и показывают все возрастающую заинтересованность русских властей в отношении азербайджанских областей. Следует отметить, что хотя во всех неурядицах с русскими войсками обвиняется Шейх Али хан, однако в этих ответах ощущается некая якобы лояльность и, уступая в малом, русское правительство диктует свои условия и старается навязать губинскому правителю свою волю с целью принятия им российского протектората.

Кроме того, русский кабинет, открытым текстом выражая интересы царизма, заинтересованного в привлечении как можно большего количества податного населения в лице христиан и христианизации прибывших в Россию из разных регионов мусульман, фактически оправдал действия русских войск по

насильственному уводу части населения из областей губинского правителя. И вообще, все убытки, понесенные областью, воспринимались русскими властями как естественные последствия войны, и потому не подлежали компенсации со стороны России.

Ниже мы приводим ответы Азиатского Департамента по каждому прошению Шейх Али хана, при этом сохранив стиль изложения, чтобы показать суть каждого из этих вопросов, дипломатически решенных в пользу России.

Прежде, чем перейти к изложению ответов, отметим, что в записке Азиатского Департамента мы обнаружили еще один очень немаловажный факт об освобождении и возвращении императором Павлом Шейх Али хану взятых в плен 10 его чиновников,³⁸ которые, как упоминалось в первой главе настоящей монографии, после занятия В.Зубовым Дербенда были арестованы и отправлены в Астрахань, а оттуда - в Саратов.

Азиатский Департамент, чтобы скрыть завоевательный характер похода русских войск в 1796 г. в Азербайджан и снять ответственность за нанесенные убытки и разорение области губинского хана, всю вину за случившееся взвалил на Шейх Али хана, который «если бы ... в толь смутных обстоятельствах не посылал даров к неприятству и не оказал ему повиновения ... то и не понес бы показуемого от войск разорения и убытков, но прочем ... свершилось по определению судьбы».³⁹

Парадоксально, что русское правительство признавало содеянные русскими войсками бесчинства и разорения, однако на правах победителя считало, что Россия не обязана компенсировать нанесенный области ущерб. Поэтому во 2 пункте «Записки» было предписано, "что же касается собственно до убытков тою войною причиненных его области ... 2 миллиона рублей ... никакая держава в свете за оный ответственность не обязана, а тем менее ему хану".⁴⁰

В отношении возвращения из «Дербенда, Кубы, Мушкуры и Баткубы» переселенных в Россию христианских семейств было сказано, что эти семьи ушли якобы по доброй воле, найдя там свое отечество, и «возвратиться на те же их жилища и отнюдь не желают».⁴¹

Что касалось насильно отнятых у «тамошних хозяев равномерно купленных ими из разных наций обоюго пола людей того же магометанского закона в Россию увезенных», то предписывалось, что если они еще не приняли христианства, отыскать их через военных или гражданских губернаторов и по их желанию через посланца Медет бека отправить обратно домой. «В противном случае должны они прежним своим хозяевам внести ту самую сумму за какую куплены. Об отдаче же христиан да и тех из магометан, кои христианское исповедание уже приняли, объявить, что сего яко противнаго правам всех народов сделать не можно».⁴² На полях же в виде примечания было приписано и затем вычеркнуто карандашом «вместо же сего и во оказании вящшей высочайший к сему хану и народу Его милости пожаловать либо сумму по соизволению полагая от «50» рублей за каждого человека или другую такую чтоб народ мог ее разделить между собою за оных лю дей».⁴³

В отношении предъявленных губинским ханом прав на Баку, то вопрос этот был поставлен в прямую зависимость от русского кабинета. Командующему Кавказской дивизией и линиями повелевалось, «по прошению того владельца распоряжение городом Баки и др. местами ему Шейх Али принадлежащими не входить, а по востребованию надобности относиться сюда».⁴⁴

На прошение об освобождении Аббас хана Гаджара последовало положительное решение.

В отношении Аги Замана, сына местного чиновника Мугамед Яр Бея было повелено начальнику Пограничной Кавказской линией связаться с генерал-лейтенантом Савельевым и генерал-майором Рахмановым и Ага Замана «отдать ему посланцу для доставления к отцу».⁴⁵

Относительно показаний дербендских жителей об изъятии у них русским командованием деньгами 30.200 руб. и векселями 30.000 руб. было предписано «Графу Зубову или тому же Кавказскою Пограничною начальнику те деньги и вексели, истребовав от тех кем оныя взяты отдав с роспискою ... посланцу для доставления к хану его, а сим для раздачи тем из его подданных, кому они ... принадлежат».⁴⁶

Наряду с этим, в этом пункте в отношении представленного дербендскими жителями "Списка о цене насильно отнятых у них слуг и служанок, купленных за свои деньги и прослуживших у них по 30-40 лет", Азиатский Департамент, выразив свое недовольство использованием в течение столь длительного времени христиан в качестве слуг, философски предписал, что «Шейх Али хану оным жителям объявить, что [сверх уважения что они христиане] как и по магометанову закону люди сии прослужив им семь лет должны получать свободу без всякой платы, по тому и требуемая ими за них суммы, как и противный оному Пророка их положению им не возвращаются».⁴⁷ Напомним, что крепостное право в России было отменено только в 1861 году, однако, чтобы отказаться от компенсации дербендским жителям суммы за насильно отнятых у них слуг, высокопоставленные российские чиновники вспомнили о законах шариата, забыв о том, что сама Россия представляла собой классическую форму крепостнической державы.

По поводу указанной в 1 пункте второй записки жалобы Медет бека о награбленных в Кизляре купцом Гургиным товарах на 8500 руб., из которых дербендские купцы должны были ему только 3700 руб., было предписано тамошнему военному или гражданскому губернатору разобрать и удовлетворить жалобу дербендских купцов, отдав им причитаемое.

В отношении же означенных во втором пункте 300 червонных и полутора империалах, отданных на сохранение в Кизляре Садыку и Хаджия, было предписано «повелеть взыскать и посланцу Медет беку с роспискою отдать для доставления по представленной им доверенности, которую для того и послать к тому же военному или Гражданскому Губернатору».⁴⁸

По поводу отлучившихся в Россию дербендских жителей Али Мирзы, Ага Мирзы Реджеба и Гейдара поручалось возвратить их в Дербенд, если они того пожелают.

В отношении жены бакинского Мелнк Абдур Ра-гима Аги с её малолетним сыном, увезенной из Губы в Кизляр российским подданным, армянином Иваном, затем принадлежавших Дербендскому Имам Гулу беку и насильно увезенных в Моздок 10 «мужеска и женску пола магометан», а также «с отнятыми генерал-лейтенантом Савельевым у Дербендскаго Хаджи Муга-меда мальчиком и девушкою, увезенными им в Россию, и пятью девицами дочерьми шабранских магометан Племянником его генерал-лейтенантом Ефимом Савельевым отнятыми и коих увезши он как пленных держит у себя по ныне и жену Магомеда Касыма Дербендскаго пребывающую в Астрахане Грузинку Мину с ея дочерью»⁴⁹ было

предписано, представить посланцу Медету беку для отсылки их обратно; «а те из них кои приняли христианский закон должны оставаться здесь в Империи...».⁵⁰

Далее Азиатский Департамент, предавая забвению все те неприятности, как естественные последствия войны, «для лучшего отклонения оных его (Шейх Али хана - Г.М.) требований по коим полагается отказ», предложил пожаловать Шейх Али хану «(чтоб мог удобнее оставить свои убытки) ... Грамоту, також чин Тайного Советника в отличие пред прочими и коего он доньше не имел» и богатые подарки ему и его советникам; а также отпустить безденежно 4000 пуд. железа, без взымания пошлин, а в дальнейшем с ежегодным отпуском Шейх Али хану в виде пенсии по 1000 пуд, а дербендским жителям ежегодно по 2000 пуд за деньги с платежом обыкновенных пошлин.⁵¹

Предложения Азиатского Департамента были представлены в Министерство вице-канцлеру графу В.Кочубею, который своим подтверждением этих ответов на жалобы Шейх Али хана и дербендских жителей дал предписание в утвердительной форме местному гражданскому губернатору и кизлярскому коменданту к исполнению некоторых из них, о которых уже было упомянуто выше.

Примечательно, что вице-канцлер В.Кочубей также не мог простить Шейх Али хану его повиновения Ага Мухаммед хану, что послужило причиной нанесения области ощутимых убытков. При этом он во всем обвинил его чиновников «кои не умели ... подать лучшего совета».⁵² Видимо, эта идея канцлера натолкнула исследователей периода сделать необоснованный вывод о том, что 18-летний Шейх Али хан, оказавший в 1796 году в Дербенде упорное сопротивление русским войскам, был окружен проирански настроенными чиновниками, организовавшими отпор В.Зубову.

Вместо компенсации убытков, понесенных в этой войне областью Губинского владельца, за подписью императора Павла от 1 сентября 1799 г. был подготовлен «Проект Грамоты Его Императорского величества к Дербендскому владельцу Шейх Али хану», в котором говорилось, что «нам любезно-деесподданному Шейх Али хану владельцу области Дербентской, Кубинской, Сальянской, Мушкурской, Баткубинской и прочих ...

Мы охотно приемлем и всю область вашу в прежнее подданство и покровительство, жалуем вас в третьем классе».⁵³

Наряду с этим, вице-канцлер через Медет бека отправил Грамоту от имени императора, а «при ней и другую к чиновникам беям, старшинам и ко всему народу ... богатую саблю и шубу соболью покрытую парчею, а для советников 6 перстней бриллиантовых, столько же золотых часов с такими же цепочками, да 50 аршин парчи, 40 аршин бархату, сукна тонких разных цветов «150» аршин и 50 аршин атласу ... а на поправления мечетей и сиротских училищ, коих по прошедших елико сих обстоятельствам могли быть у вас в Дербенте от бомбардирования повреждены, препровождаем ... 2000 червонным и 2000 пуд железа».⁵⁴

Таким образом, предьявленные Шейх Али ханом Губинским через своего посланца Медет бека письменные прошения в русский кабинет о компенсации ущерба, нанесенного русскими войсками под начальством В.Зубова в 1796 г. Губинской области, были отнесены в счет войны и остались безо всякого внимания со стороны русского царизма, который, не отказавшись от дальнейших притязаний на азербайджанские земли, своей подачкой решил вдобавок ко всему навязать Шейх Али хану и его области свой протекторат.

- ¹ «Исторические записки ...», с. 154; В.Н.Левиатов. Указ, раб., с. 179; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 99.
- ² АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/6, д. 471, л. 18 об.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, л. 26.
- ⁵ Там же, л. 45 об.
- ⁶ Там же, л. 46.
- ⁷ Там же, л. 47.
- ⁸ Там же, л. 46.
- ⁹ Н.Дубровин. Указ, раб., т. III, с. 147, 149; Дж.М.Мустафаев. Указ, раб., с. 90.
- ¹⁰ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/6, д. 471, л. 36.
- ¹¹ Там же, л. 37.
- ¹² Там же, л. 52 об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, я. 86, 86 об.
- ¹⁵ Там же, д. 46.
- ¹⁶ Там же, ж. 64 об., 65, 65 об.
- ¹⁷ Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Бажу. 1965, сс. 165-169.
- ¹⁸ Там же, е- 167.
- ¹⁹ АВПРИ, ф. СРП, од. 77/6, д. 471, л. 76 об., 77; Г.Б.Абдуллаев. Указ, раб., с. 167.
- ²⁰ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/6, д. 471, л. 77; Г.Б.Абдуллаев.
- ²¹ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/6, д. 471, л. 76 об.
- ²² Там же, л. 83.
- ²³ Там же, л. 77 об.
- ²⁴ Там же, л. 75.
- ²⁵ Там же, л. 75 об.
- ²⁶ Там же, л. 80.
- ²⁷ Там же, л. 80 об.
- ²⁸ Там же, л. 81.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же, л. 82.
- ³¹ Б.Митлер Таты, их расселение и говоры. (Материалы и вопросы). Баку, Издание Общества Обследования и Изучения Азербайджана, 1929 г., с. 14.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, л. 82, 82 об., 83.
- ³⁴ Н.Дубровин. Указ, раб., с. 201.
- ³⁵ АВПРИ, ф. СРП, оп. 77/6, д. 471, л. 56.
- ³⁶ Там же, л. 83.
- ³⁷ Там же, л. 70, 79 об.
- ³⁸ Там же, л. 86 об.
- ³⁹ Там же, л. 100.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, л. 100 об.
- ⁴² Там же, л. 101.
- ⁴³ Там же, л. 101 об.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, л. 102.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же, л. 102 об.
- ⁴⁸ Там же, л. 103, 103 об.
- ⁴⁹ Там же, л. 104.

⁵⁰ Там же, л. 105, 105 об.

⁵¹ Там же, л. 106 об.

⁵² Там же, л. 141 об. – 142.

⁵³ Там же, л. 134.

⁵⁴ Там же, л. 152-153.

